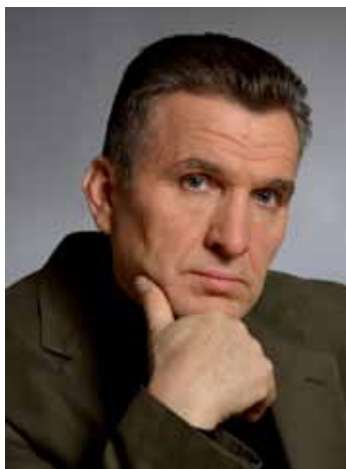

И СНОВА МЫ

Журнал «Фотосоюз 74» продолжает свою жизнь. В свет выходит нечасто, но главных фотографических событий не пропускает. Темой очередного номера стал III Международный фестиваль фотографии «Фотофест-2012». Думаю, это правильно. По масштабу и представительности, уровню привезенных в Челябинск выставок и изобилию звездных имен нынешний фестиваль превзошел все ожидания. На новый уровень шагнул и наш журнал, образ которого формировали профессионалы высшего класса — звезды российской фотографии и мастера челябинской журналистики. Такому развитию событий я очень рад. Фестиваль — это всегда праздник, и Фотофест мы планировали как яркое, радостное событие. Но за то время, пока готовились, в стране произошли события, обострившие ситуацию в обществе, которые не могли не сказаться на настроении людей. Если честно, я не знал, как это отразится на атмосфере фестиваля. С одной стороны, политика нас не касается, и Челябинск от Москвы далеко. С другой стороны, фотографией занимается очень много людей, и все происходящее так или иначе проецируется на то, что и как мы фотографируем. Выставки челябинских фотографов показали, что в нашем регионе не все однозначно. У нас тоже есть люди, настроенные критически, с тревогой

и болью воспринимающие действия властей. Есть и те, которые хотят незамедлительных перемен. И все-таки большая часть авторов даже в мыслях не допускает драматического сценария. Люди хотят жить спокойно, без лишних потрясений. Это мы видим по фотографиям. Семья, близкие люди, красота природы, домашние любимцы — вот ценности, которые для большинства важнее всего и которые мы готовы защищать в первую очередь.

Да, мы консервативны. Но это не значит, что за происходящими процессами должны наблюдать сквозь розовые очки. Людей с фотоаппаратами миллионы. А значит, через фотографию можно влиять на атмосферу в обществе — способствовать тому, чтобы наша жизнь не переходила в русло очередного застоя. И в то же время чтобы протестные настроения не довели страну до гражданской войны.

Владимир БОГДАНОВСКИЙ

Главный редактор
Владимир Богдановский

Над номером работали:

Координатор
Татьяна Марьяна
Дизайн, верстка
Светлана Никонюк
Редактор-корректор
Ирина Козырева

Референт
Анастасия Ивановская
Фотографы

Юлия Боровикова
Виталий Воронин
Александр Глебов
Владимир Голынкин
Алексей Гольянов
Ильгар Джафаров
Валерий Жирохов
Борис Каулин
Сергей Коляскин
Сергей Курзанов
Игорь Лагунов
Василий Прудников
Константин Шалашов
Андрей Шапран
Анатолий Шулепов

Адрес редакции
454000, г. Челябинск, ул. Кирова, 165
Тел.: 263-27-36; 265-81-59
<http://fotosoyuz74.ru>
E-mail: chelpfoto@land.ru

Распрямляется в фотоцентрах
и организациях Челябинского
областного отделения
Союза фотохудожников России

Тираж 500 экз.

Перепечатка материалов без
согласия издателя запрещена

На первой странице обложки:
Игорь Лагунов. «Жизнь в темноте»

На второй странице обложки:
Виталий Воронин.
Участники Фотофеста-2012

На третьей странице обложки:
Народное фото

На четвертой странице обложки:
Виктор Окулов
«Параллельные миры»

СОДЕРЖАНИЕ

Репортаж без границ

Владимир Спешков. **Мольба
о мире после войны** / 7

Светлана Симакова
**Мирнаиб Гасаноглу: «Глаза
детей не умеют лгать»** / 16

Лидия Панфилова.
**Василий Прудников: «Хороший
снимок дается свыше...»** / 22

Михаил Фонотов
Увидеть и запечатлеть. Эссе / 38
Юрий Вишня

**Мастер. Зарисовка о Сергее Ва-
сильеве** / 44

Мастер-класс

Лидия Садчикова
Виктор Загумёнов:
**«Свои фотографии со временем
начинаю любить все больше»** / 59

Татьяна Марьяна
**«Письма до востребования»
Владимира Сёмина** / 69

Татьяна Строганова
**Александр Ефремов: «Стоя на
месте, идешь назад»** / 76

Татьяна Строганова
Иллюзии фотографов / 86

Татьяна Марьяна
Портрет с характером / 94

На острие жизни

Татьяна Марьяна
**Евгений Ткаченко: «У настоящего
репортера главным
является человек»** / 104

Виктория Олиферчук
**Александр Фирсов: «Никогда не
скажу, что я все умею»** / 110

Природа красоты

Татьяна Марьяна
**Владимир Богдановский: «Работы
челябинцев видно сразу»** / 126

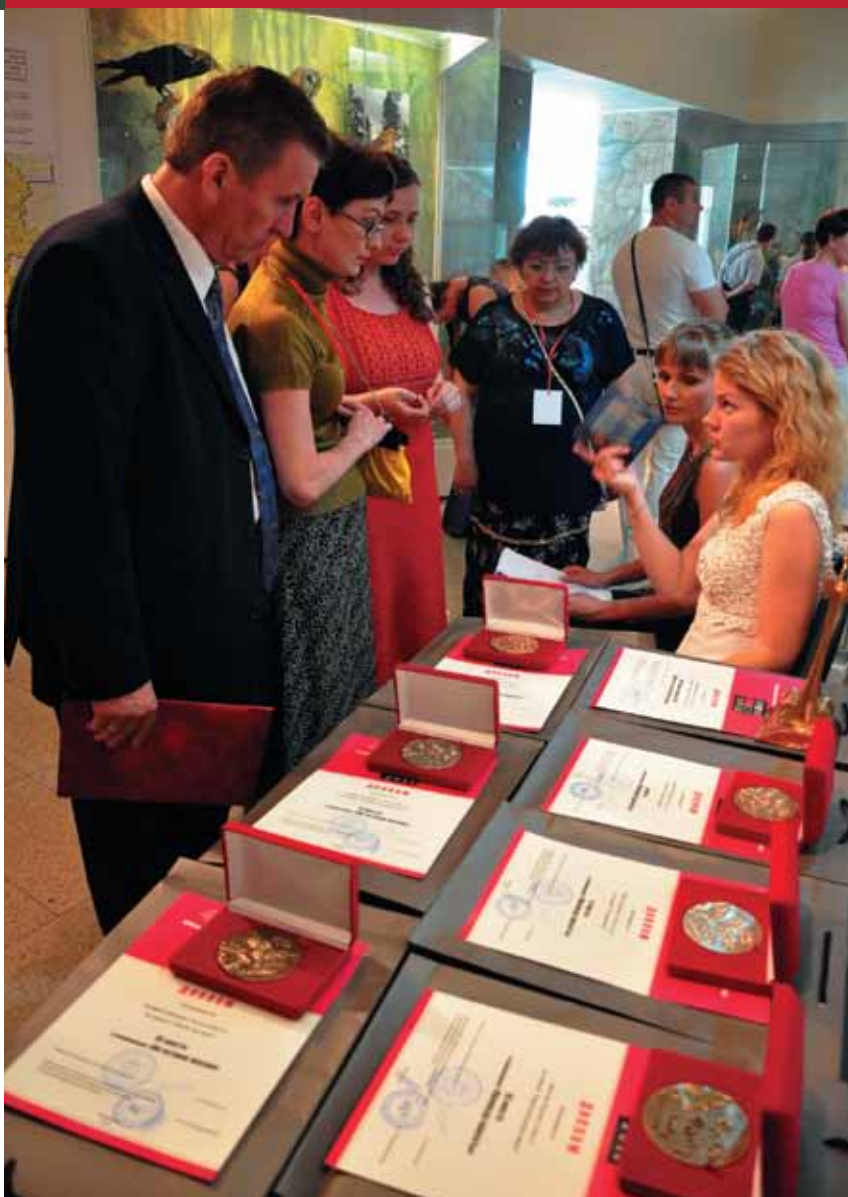
Блицконкурс

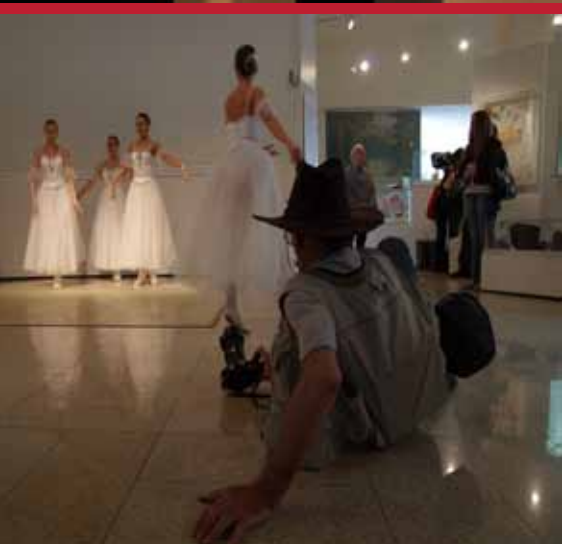
Олеся Горюк
Торжество антигламура / 142

С 18 по 20 мая 2012 года в Челябинске состоялся III Международный фестиваль фотографии «Фотофест-2012»

Жюри фестиваля (на верхнем снимке): Владимир Сёмин (Нью-Йорк); Сергей Гаврилов (Москва); Александр Медведев (Москва); Василий Прудников (Москва); Сергей Васильев (Челябинск); Виктор Загумёнов (Москва); Владимир Богдановский (Челябинск); Раиса Зорина (Екатеринбург); Александр Ефремов (Москва); Георгий Корчёнкин (Сургут)

Шахвалад Айвазов
ЭХО ВОЙНЫ

Мольба о мире

после войны

Фотофест открылся экспозицией из 60 черно-белых фотографий девяти современных азербайджанских мастеров. Их выставка «Долгое эхо войны», посвященная тому, что по инерции советской печати называют «армяно-азербайджанским конфликтом в Нагорном Карабахе», а на самом деле было самой настоящей войной, **раны от которой не затянулись и через два с лишним десятилетия, поразила горькой памятью, сердечностью фотовзгляда и мольбой, почти заклинанием о мире. Мире после войны.**

Владимир СПЕШКОВ — журналист и театральный критик, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

В 1985 году окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (Свердловск) и начал работать в челябинской областной молодежной газете «Комсомолец». В начале 1990 года как спецкор этой газеты побывал в Баку (вместе с фоторепортером Валентином Головановым) после введения там режима чрезвычайного положения, подготовил серию публикаций на эту тему. С 1991 года работает в областной газете «Челябинский рабочий», с 1998 года заместитель главного редактора газеты.

«Трагедия первой гражданской войны на территории СССР. После полилась кровь грузин и абхазов, осетин и ингушей, киргизов и узбеков, таджиков и таджиков, чеченцев и русских, чеченцев и чеченцев. А началось в 1988 году в Карабахе». Это цитата из путевых заметок Петра Вайля. Заметок, что называется, с другого берега (буквально — берега озера Севан). Их герои — армянские беженцы из Азербайджана — свидетельствуют о том же, о чем на фото «Долгое эхо войны» свидетельствуют азер-

байджанские беженцы из Нагорного Карабаха. О боли, которая не проходит и не пройдет. И упаси нас Бог пытаться рассуждать, кто первый начал, кто прав, кто виноват, на ком больше крови. В гражданских (и национальных) войнах не бывает однозначно правых. И победителей не бывает. А вот жертвы есть всегда. Главные — дети и старики, старики и дети. И именно они — главные герои «Долгого эха войны». В том числе и те дети, что родились уже после собственно военных действий, ро-

репортаж без границ

дились (и выросли!) в лагерях беженцев или в заселенных беженцами же старых бакинских общежитиях. Эта девочка, мечтательно обнявшая белое платье («Хочу быть принцессой» Илькина Гусейнова), мальчик, замерший под ладонью великого Мстислава Ростроповича (снимок Мирнаиба Гасаноглу), младенец из колыбели, подвешенной прямо под вагоном поезда беженцев, замершего, кажется, на вечной стоянке (снимок Эльнура Бабаева), маленькие обитатели сегодняшних бакинских общежитий беженцев из фотосерий Анны Сулеймановой и Самире Гасановой. Даже если эти дети не видели войны, в них есть генная память о ней, они — ее жертвы. Как и старики, в портретах которых Шахвалад Айвазов (на мой взгляд, самый мощный автор в этой замечательной девятке) запечатлевает не просто предельно выразительные лица, но символ народной трагедии. Временной диапазон фоторабот экспозиции — больше двух десятилетий, от 1989 до 2011 года. Есть замечательная, по-репортерски точная и художественно выразительная серия Олега Литвина о Баку 1989–1990 годов: многотысячные митинги Народного фронта, чрезвычайное положение, бронетехника на улицах Баку, расстрелянный парламент, шок и трепет. Это жизнь публичная, общественная, площадные страсти, когда, что называется, на миру и смерть красна. Они длятся считанные дни (ну, недели), а потом наступают будни. Будни изгнанников. Стариков и детей, детей и стариков...

...На замечательном многолюдном вернисаже-открытии (азербайджанская диаспора Челябинска пришла, кажется, в полном составе) не было ни обвинений, ни проклятий в адрес бывших врагов. Гости говорили только о мире, цену которого знают те, кто прошел через войну, и желали нам, хозяевам, ценить и беречь мир уже на нашей земле. Их слушали во внимательной и понимающей тишине.

На открытии выставки
«Долгое эхо войны»

Эльнур Бабаев. Лагерь беженцев. 1995 г.

Олег Литвин. Расстрелянный парламент. 1990 г.

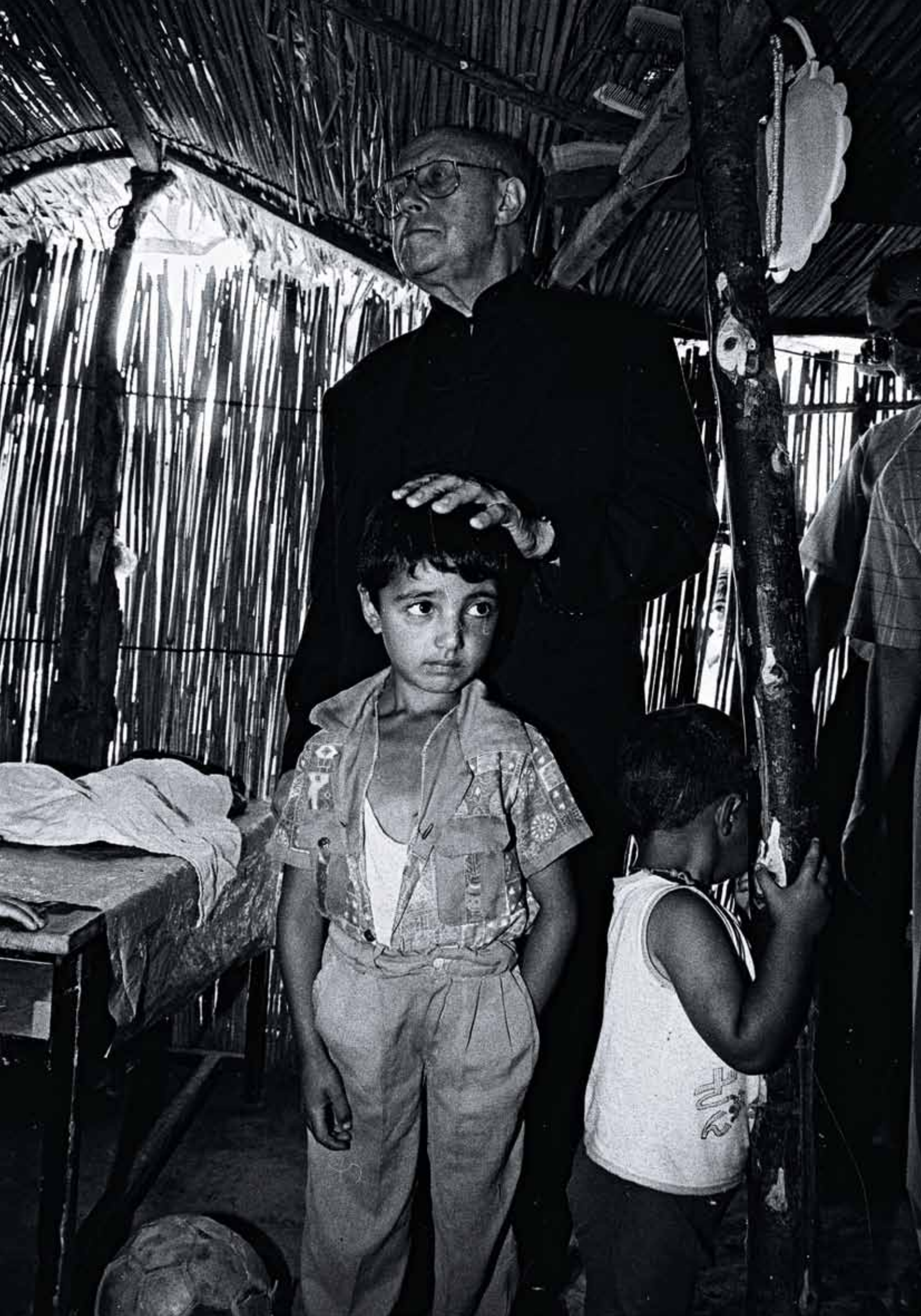

Олег Литвин
Митинг в Баку, на площади им. Ленина. 1989 г.

Илькин Гусейнов.
Хочу быть принцессой. 2011 г.

Мирнаиб Гасаноглу
Мстислав Ростропович. Имишлинский район, 1998 г.

Ильгар Джафаров. Город Агдам. Июль 1993 г.

Мирнаиб Гасаноглу:

«Глаза детей не умеют ЛГАТЬ»

Почему маленькие дети Нагорного Карабаха боятся объектива фотоаппарата? Они принимают его за дуло автомата. Закончилась ли война для миллиона карабахских беженцев? **Об этом мы говорили с азербайджанским фотографом Мирнаибом Гасаноглу, который привез в Челябинск выставку «Долгое эхо войны».**

Светлана СИМАКОВА — журналист. Училась на факультете журналистики Уральского государственного университета имени Горького (Екатеринбург). Работала редактором отдела

культуры газет «Деловой Урал» и «Вечерний Челябинск», в настоящее время является обозревателем спецпроектов сайта 74.ru. Лауреат всероссийского конкурса журналистов, пишущих о проблемах культуры. Лауреат городских конкурсов в области журналистики

— Почему на многих фотографиях мы видим детей?

— Не потому, что нам хотелось кого-то разжалобить. Мы снимали детей, потому что их глаза не умеют лгать. Все, что есть в сердце ребенка, есть на его лице. Именно это лицо в полной мере передает трагедию человека, изгнанного из родного дома, потерявшего близких людей. Однажды я разговаривал с мальчиком шести лет, который был в армянском плену и чудом уцелел, у меня волосы на голове шевелились,

потому что он рассуждал о пережитом, как сорокалетний мужчина.

— Эта выставка побывала во многих странах мира?

— Да, но для нас очень важно показать эти работы в России. На них запечатлены реальные события, которые происходили на наших глазах. Для этих людей, которых вы видите на фотографиях, война не закончилась. Результатом этого конфликта стало огромное количество погибших, вы видите здесь сотни гробов, уничтожалось население целых сел и городов. Тысячи людей до сих пор числятся пропавшими без вести. Все, кто остался в живых, превратились в беженцев и вынужденных переселенцев. Сегодня их более миллиона — пятая часть всего азербайджанского народа. Эти снимки передают масштаб трагедии. Ведь беженцами стали не только те, кто вынужден был покинуть Нагорный Карабах, но и жители прилегающих районов. Они покинули дома, поля, предприятия и сегодня многие без работы, живут в ужасных условиях...

— Как родилась идея привезти «Долгое эхо войны» в Челябинск?

— В Азербайджан приехал челябинский фотограф Владимир Богдановский, мы говорили о фотографии, он рассказал, что в Челябинске проводятся фотофестивали — так возникла идея сотрудничества в области фотогра-

Анна Сулейманова
Из серии «Разные игры мальчиков и девочек». Баку, 2011 г.

Мирнаиб Гасаноглу.
Жизнь продолжается. Сабирабадский район, 2000 г.

фии. Хотелось перед челябинцами раскрыть тему, которая им мало известна. Поскольку мне часто задают вопросы о том, не вернулись ли беженцы в Нагорный Карабах, делаю вывод, что информации недостаточно. Когда к нам приезжают фотографы из России и других стран, мы показываем снимки, которые касаются этих событий, рассказываем о той боли, с которой живем. Владимир Богдановский сам видел, как живут беженцы. Мы решили все это показать не только потому, что хотели поделиться своей болью — хотели предупредить, что в любом месте может случиться такое, если люди перестанут слышать друг друга.

— Что-то меняется с годами для беженцев, люди обживаются, обустраиваются?

— Только внешне: кто-то дерево посадил у домика в новом поселке, кто-то сарай к щитовому домику пристроил, огороды появились...

Но ничего не меняется в сердцах людей. Эта земля для них по-прежнему остается временным пристанищем: люди живут надеждой, что скоро они вернутся в свои дома и будут пахать свои поля, работать в своих садах.

— Но уже целое поколение выросло, которое никогда не видело той земли, с которой вынуждены были уйти родители?

— Да, но они тоже получили статус беженцев, потому что их родители прописаны в Нагорном Карабахе, или в Агдаме, или в каком-то из семи оккупированных районов. Я разговаривал с такими молодыми людьми. Когда ты у него спрашиваешь имя, он называет себя и тут же говорит, что он родом из такой-то деревни такого-то района. То есть они знают, что их дом не здесь.

Домики построенного для беженцев поселка кажутся слишком маленькими, ведь в азербайджанских семьях, как правило, много детей.

Они на самом деле небольшие. Но здесь условия лучше, чем в Баку, где многие беженцы до сих пор живут в старых общежитиях — в одной комнатке ютятся по семь-восемь человек. Живут люди и в зданиях старых школ, детских садов. Тяжело. Люди бежали из оккупированных районов на пригородных поездах и какое-то время жили прямо в железнодорожных вагонах. Здесь, между вагонами, под открытым небом готовили еду, пекли хлеб. Жили люди и в палаточных городках — летом и зимой. Без воды, без удобств, в страшной грязи, когда шли дожди. Есть фотография, где в этой грязи мальчишки играют в футбол. Смотреть без слез невозможно.

Анна Сулейманова

Ребенок, играющий в уединении.
Баку, 2011 г.

Анна Сулейманова

Бабушка, возвращающаяся с чердака,
куда любят убегать дети для игр.
Баку, 2011 г.

Анна Сулейманова.
Из серии «Разные игры мальчиков и девочек». Баку, 2011 г.

Василий Прудников:

«Хороший» снимок

Одним из центральных событий майского фотофеста 2012 года стала выставка Russ Press Photo, составленная из работ российских лауреатов конкурса World Press Photo. О формировании выставки, масштабе участия россиян в престижном фоторепортерском конкурсе и своем видении будущего отечественной репортерской фотографии рассказывает руководитель проекта Василий Прудников.

дается СВЫШЕ...»

Лидия ПАНФИЛОВА

окончила Челябинский педуниверситет. Работала в газетах «Призыв», «Вечерний Челябинск», с 1985 года специальный корреспондент «Челябинского рабочего». Заслуженный работник культуры РФ, победитель конкурса «Золотое перо», автор книг «Возвращение храма», «Очень важные персоны» и других.

Фотографии лауреатов и призеров World Press Photo разных лет

Василий Прудников представляет фотоальбом «Фотографии российских лауреатов World Press Photo. 1955–2010». **Фото Валерия Жирохова**

Юрий Кавер. В дюнах.
Поощрительная премия в номинации «Природа». 1983 г.

Михаил Штейнбах. Из серии «Лесные птицы».
Третий приз в номинации «Природа». 1981 г.

Валерий Шустов. Из серии «Укротители огня».
Первый приз в номинации «Цветная фотография». 1978 г.

— Наша цель состояла в том, чтобы собрать фотографии русских лауреатов World Press Photo и информацию о них, а также узнать об историях, связанных с созданием этих фотографий, — говорит Василий Прудников. — Работа над формированием экспозиции шла два года. Мы выяснили, что всего за период с 1955 по 2010 годы лауреатами конкурса стали 115 наших соотечественников. Из них 89 — призеры, то есть получили медали за призовые места. Остальные отмечены почетными дипломами.

— Сколько россиян в общем составе участников World Press Photo?

— Точную цифру не скажу, но по понятным причинам нас не так много, как американцев, голландцев или французов. На Западе эта профессия более востребована, фоторепортеры получают от крупных изданий заказы на реализацию различных проектов, имеют возможность свободно перемещаться по миру. Это большое преимущество, которого не было у российских фотографов, не говоря уже о советских. Сейчас ситуация выравнивается, можно беспрепятственно выезжать за рубеж, но многим мешает языковой барьер, а проделать полноценную работу без знания языка нельзя.

— Все ли российские лауреаты являются профессиональными фоторепортерами?

— Практически все лауреаты — профессионалы, потому что сам конкурс профессиональный и адресован фотографам СМИ, фотожурналистам, фоторепортерам, сотрудничающим с информационными агентствами. Хотя есть случаи, когда фотографии отправлялись любителями, но — от фотосекции Союза журналистов, которая считается профессиональным сообществом. Фото на конкурс может отправить и студент, если он учится на отделении журналистики или спецотделении фотожурналистики.

— Наверняка многие из лауреатов World Press Photo — люди преклонного возраста. Как они живут? Не бедствуют ли, или, напротив, уважаемы земляками, обласканы властью?

— К сожалению, многих авторов уже нет в живых, но большая часть тех, кто в строю, приехали в Москву на открытие выставки. Для них это радостное событие, возможность напомнить

о себе. Ведь выставка будет работать еще три года, и с ней будут знакомиться жители разных городов, в том числе и за рубежом. Что же касается судьбы лауреатов, то она складывается по-разному в зависимости от местности, в которой они живут. Как правило, в провинции лауреат World Press Photo — известная фигура, его уважают, им гордятся. Фоторепортер Алексей Перевошиков настолько почитаем в своем родном городке Кирово-Чепецке Вятской области, что земляки назвали в его честь улицу, его имя носит музей, его творчеству посвящен сайт. Благодаря Перовошикову районный городок известен на всю округу, о нем знают и в столице, и даже за пределами России. В Москве лауреат World Press Photo теряется в общей массе других лауреатов, призеров, чемпионов. Заслуженных людей в столице много.

— Что послужило толчком для создания выставки Росс Пресс Фото?

— Мы хотели показать и задокументировать участие наших фоторепортеров в World Press Photo, а кроме того, познакомить людей со снимками, за которые дают награду, продемонстрировать высоту планки. Это важно не только для мастеров фотографии, но и для начинающих. Выставка, которую мы привезли в Челябинск — часть более масштабного проекта по воссозданию истории российской фотожурналистики. Она ведет свое начало с Карла Буллы и условно разделена на пять периодов, начиная с 1889 года и по сегодняшний день. Участие российских мастеров фотографии в World Press Photo — важная страница этой истории.

— Проект завершится через какое-то время или он бессрочный?

— Проект будет продолжаться, пока мы живы, пока существует профессия фоторепортера. То же и с World Press Photo: пока на земле существуют конфликты и войны, будут работать фоторепортеры, отражающие эти события.

— Перед разговором с вами я посмотрела выставку лауреатов World Press Photo. Человеку, знакомому с работами Козырева, Веленгурова, Вяткина, фотографии 50–70-х годов кажутся несколько наивными. Там много портретов, этнографии, жанровых картинок, но мало остроты, драматизма...

Валерий Шустов. Из серии «Укротители огня».
Первый приз в номинации «Цветная фотография». 1978 г.

Александр Поляков. Из серии «Охотники-нганасаны».
Поощрительная премия в номинации «Повседневная жизнь». 1987 г.

Дмитрий Донской. Дуэль.
Первый приз в номинации «Спорт». 1979 г.

репортаж без границ

— И тем не менее именно обилие таких фотографий — бытовых жанровых, рассказывающих о повседневной жизни людей, — изменило структуру World Press Photo и способствовало появлению номинаций «Повседневная жизнь», «Юмор и счастливые события». Хотя изначальная концепция конкурса, действительно, предполагала прежде всего работу фоторепортеров в горячих точках, их стремление вскрыть нерв, показать сообществу болевые точки, чтобы акцентировать на них внимание.

— В каких номинациях World Press Photo российские фоторепортеры, по-вашему, сильны сегодня?

— «Спорт», «Культура», «Юмор и счастливые события», «Повседневная жизнь». Сейчас благодаря таланту и профессионализму Юрия Козырева мы стали отличаться в военной теме, в номинации «Горячие новости».

— Не кажется ли вам, что фоторепортаж начинает утрачивать бывшие позиции?

— Эта тема часто обсуждается в последнее время, находятся люди, искренне считающие, что фотожурналистика умрет. Ну как она умрет, если происходит событие и его надо отражать? Другое дело, что фотожурналистика меняется, и во многом это связано с Интернетом. Раньше осветить событие можно было, отправив туда фоторепортера. Сейчас из-за простоты получения информации через Интернет у агентств отпадает необходимость содержать штат фоторепортеров. В столице практически не осталось изданий, где сохранились бы ставки фоторепортеров. Их нет ни в «Огоньке», ни даже в «Русском репортере». Все авторы нештатные, работают на договорах, их привлекают только в случае необходимости. Исчезли фотолаборатории со своей атмосферой, где происходило общение новичков со зрелыми мастерами.

— Это хорошо или плохо?

— Для издания, на первый взгляд, хорошо. Для репортера плохо, потому что у него нет по-

Игорь Уткин.

Лягушачий пируэт. Первый приз в номинации «Спорт». 1987 г.

Александр Поляков. Болельщики.
Второй приз в номинации «Счастливые новости и юмор». 1985 г.

стоянного заработка. Но на самом деле из-за отсутствия в штате фоторепортера страдает и издание. Чужой фотограф не всегда знает стилистику журнала или газеты, уровень требований, направленность. Чем славятся «Times», «Life», «National Geographic»? У них своя политика, позиция, форма подачи фотографий. Они отправляют на задания только своих репортеров, в которых уверены, которые привезут фото в рамках того видения, тех характеристик, которые требуются изданию. В Москве так работает только издательский дом «Коммерсанты». Там фотослужбой руководит американец Эдвард Опп, следующий западному стандарту, поэтому у «Коммерсанта» свой стиль, их фотографии всегда узнаваемы, всегда немножко с наездом, с подтекстом. Когда я два года назад просматривал подборку спортивных фотографий из Ванкувера, то не мог отличить РИА-новости от фотохроники ТАСС — там все работы на одно лицо. Фотографии «Коммерсанта» узнаешь, даже не видя подписи. В «Русском репортере», впрочем, этот раздел ведет тоже очень талантливый и профессиональный Андрей Поликанов, работавший в «Times».

— Какими камерами делали свои шедевры российские лауреаты World Press Photo, и насколько качество фотографии зависит от техники?

— Это зависит от той области, где работает автор. Для съемки спортивных событий аппаратура имеет определяющее значение. Тут необходимы быстрая камера, короткие выдержки, качественная оптика, автофокус. Для съемки повседневной жизни аппаратура не имеет значения. Хороший кадр можно сделать и «Сменой», и абсолютно не репортерским Hasselblad'ом. В военной хронике камера тоже играет большую роль, она должна быть легкой, скоростной, с мотором и т. д.

— Вы сказали, что, формируя выставку Russ Press Photo, собирали не только фотографии лауреатов, но и истории, связанные с их появлением. Какая самая интересная?

— Каждая фотография World Press Photo — это история. Это же репортерское фото, где важны и сам факт, и история — почему ты этот кадр снял? Даже самый качественный сни-

Василий Прудников готовится к съемке.
Фото

мок без подписи, без аннотации, в которой описана история, ничего не значит. Я бы даже сказал, что история предопределяет создание фотографии.

Вообще пресс-фотография держится на трех китах — актуальности, оперативности и честности. Качество на последнем месте. Интересный, профессионально сделанный, но неактуальный снимок не получит награды. И уже в этой актуальности жюри выбирает историю, которая наиболее интересна. Допустим, в этом году умер видный общественный деятель, произошел государственный переворот и т. п. Получается наплыв карточек, и жюри выбирает лучшую из лучших. А может быть и наоборот: какое-то стихийное бедствие, а снимков мало, и жюри будет выбирать лучшее из худшего. Так что конкурс пресс-фото — это прежде всего конкурс историй. Не все это знают и многие поначалу недоумевают: «За что ему дали призовое место? И я так снимаю!» Это непрофессиональ-

ный взгляд. С профессиональной точки зрения, нужно было там очутиться, разглядеть историю, успеть сделать кадр — вот это и оценивается. Победителей определяет жюри из тринадцати профессионалов из разных стран, представляющих разные издания. Для достижения максимальной объективности состав каждый год разный, но, конечно, не исключена какая-то толика предвзятости, ведь фотографию оценивают люди со своими вкусами, предпочтениями, системой ценностей.

— А у вас была история с фотографией?

— Из своих работ у меня удачное, на мой взгляд, жанровое фото «У каждого своя ступень». Я снял его неожиданно, навскидку. Проходил мимо библиотеки им. Ленина в Москве, там на входе памятник Достоевскому и ряды ступенек. Валил густыми хлопьями снег, делающий картинку цельной. И тут я увидел прохожего, который был очень похож на Раскольникова: такой же высокий, худой, в длинном темном пальто, с поднятым воротником и широкополой шляпе. Я его краем глаза увидел и стал снимать, поражаясь сходству, оставалось только совместить кадр, чтобы в нем присутствовали и Достоевский, и прохожий. Молодой человек стал подниматься по ступеням, и когда поравнялся с памятником, вдруг поднял голову и посмотрел писателю в лицо... Все сошлось, кадр получил смысловое завершение: кому-то дано быть создателем, кому-то персонажем, и Раскольников, оказывается, до сих пор жив, ходит среди нас по улицам... Самое интересное, что я не готовился к съемке, просто шел в фотوماгазин за какими-то аксессуарами, камера была наготове. Такие кадры даются свыше.

— То есть мистика в профессии присутствует?

— Конечно.

Василий Прудников
У каждого своя ступень

УВИДЕТЬ и запечатлеть

Михаил ФОНОТОВ — журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил Ростовский-на-Дону государственный университет. Работал в Брединской районной газете, в областной газете

«Челябинский рабочий», был собственным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» по Челябинской и Курганской областям. Через восемь лет вернулся в «Челябинский рабочий», в настоящее время — обозреватель газеты. Автор книг по природе и краеведению Южного Урала, текстов к фотоальбомам «Ландшафты Южного Урала», «Челябинск-2000». Лауреат журналистских премий, награжден орденом Дружбы, знаком «Золотое перо России».

Как водится, художник близко к сердцу принимает упрек в том, что он копирует действительность. Будто нет ничего проще и примитивнее копии. Снимать копии с действительности и **в самом деле нет смысла, потому что это прежде никому не удавалось и никогда впредь не удастся никому, в том числе и фотографу. Даже и Бог этого избегает.**

Дело в том, что, как правило, действительность — «болтлива». Она — многообразна и многообразна. Она перемешивает и переплетает общее и частное, крупное и мелкое, сути и детали. А у фотографа нет другого языка, кроме света и красок видимого мира. И в нем надо найти, выделить и запечатлеть то, что выразило бы его мысль. То, что он хочет сказать людям. Обычно это образ или символ. В чистом виде они встречаются очень редко, и потому их приходится «дорисовывать».

Как это делается — на примере трех фотографий, снимки которых экспонировались на

Росс Пресс Фото в Челябинском краеведческом музее.

Валентин Соболев. Война во Вьетнаме — Вьетнам работает. 1969 год

Рисовый чек. По щиколотку в теплой мутной воде, подошвами на илистом дне — вьетnamцы, женщины и мужчины, вслепую высаживают рисовые ростки в подводную почву. Их, я насчитал, тринадцать человек. Женщины в платках или, кто помоложе, без головного убора, мужчины — в пробковых шлемах. Мужчин трое.

Выстроившись рядом, приняв характерную позу, вьетнамцы смиренно делают привычную им работу. Перед ними удлиняется полоса высаженного риса.

Рис — это жизнь. Не менее того. Вьетнамцы надеются, что у них будет продолжение. А на меже, на кромке чека, еще можно сказать, на земляном валике — оружейная пирамида. Три винтовки с торчащими штыками и автомат. По числу мужчин.

Значит, оружие — наготове. Если что, мужчины бросятся к пирамиде и начнут отбиваться. Такие условия, которые вроде бы приняты как нормальные: сеять — так сеять, воевать — так воевать.

Вьетнам далеко от нас, и рисовый чек нам весьма непривычен, но ситуация не сказать чтобы слишком уж экзотическая. Она — казачья. Наши предки, если вспомнить, тоже работали в поле, имея при себе оружие. И нередко занимали круговую оборону, чтобы отбиваться от неожиданных гостей.

Автор дает нам два символа — символ мира и символ войны. Он их увидел в жизни? Если так, то ему повезло. Сама жизнь, будто бы специально, поставила их отдельно — рядок работающих людей (на втором плане) и оружейную пирамиду (на первом). Что остается фотографу? Вроде бы, всего лишь нажать на кнопку.

Я не знаю, от кого готовы были защищаться вьетнамцы. Мог ли разразиться бой среди рисовых чеков. Я не знаю, имеют ли вьетнамцы привычку складывать оружие пирамидой. Само оружие очень напоминает наше, особенно автомат.

Увидеть и снять символическую композицию, «подаренную» самой жизнью, — дар, который не всякому дан. Но если пирамида была поставлена по подсказке автора, это несколько не умаляет его заслуг. Творчество чаще всего к тому и сводится, чтобы чуть-чуть «поправить» действительность.

Игорь Гаврилов. Расплата. 1987 год

На весь кадр — решетка. К тому же она двойная — со своей тенью. Ее тень черным крестом падает на парня, сидящего в узкой клетке. Он поместился в одном «окошке» решетки.

Только что он сидел, сгорбившись, в тяжелом раздумье, и вдруг повернул голову.

Черному железу и темным панелям в снимке дано слишком много места именно потому, что они мрачно «молчат», а «говорит» в кадре только лицо парня. И не все его лицо, а только глаза. И не оба глаза, а только один «острый» глаз.

Что в нем, в этом взгляде? В нем и неожиданное любопытство к тому, что осталось по ту сторону решетки, и упрямое стояние на своем, и ненависть к тем, кто «там», и горечь одиночества, и «деланное» сожаление, что его побеспокоили, и готовность огрызнуться, и неверие в то, что есть какая-то надежда. Чего в нем, к сожалению, нет, так это раскаянья.

Я не знаю, «схвачен» этот кадр или «построен». Меня смущает, как удачно крест от решетки упал на плечо парня. Даже и построить такой символ не каждый догадается. Однако не исключена и счастливая случайность. «Подозрительна» почти идеальная симметричность кадра. Все «говорящее» помещено в центральном «окошке» решетки. Остальное — невыразительный балласт. И в этом окошке сам глаз — на светлом пятне, на фокусе композиции.

Можно подумать, что все — ради одного глаза. Конечно, так оно и есть, но и «балласт» — не зря. Без него и глаз не заговорил бы. Да и сам балласт молчит весьма выразительно.

Расплата? В парне-то нет еще ничего «блатного». Такое впечатление, будто он только что оказался за решеткой. Парня жаль. Молодой, высокий, как говорится, недурен собой — а уже оторвался от людей, затаил в себе злобу на них. То есть на нас...

то ли погубить невзначай, то ли невзначай спасти. Очерк о хирурге? А лиц нет. Вместо лиц — руки. Руки — вместо людей. Оказывается, лица и не нужны. У хирурга руки выразительнее лица. Надо только схватить тот момент, когда руки мужчины властно обхватят детскую ручонку, когда женский палец приложится к детскому пульсу, когда детская ручонка поднимется, окруженная заботой, надеждой и тревогой...

Некий цветок из рук — такой образ. Мир больницы — огромен. В нем «таятся» всякие другие образы. А фотограф остановил свой взгляд на руках. И дал нам увидеть хирурга. Не лицо его, а душу.

Владимир Вяткин. Добрые руки. 1985 год

Идея была — фотоочерк о детском хирурге В. Н. Немсадзе. И что получилось?

В кадре — только руки. Только они, и ничего больше. Их шесть. Большие, толстопалые, смуглые, волосатые, неуклюжие, но сильные руки мужчин. И детская ручонка, абсолютно беспомощная, не знающая, чего хотят от нее эти «взрослые» руки, цепко обхватившие ее, —

МАСТЕР

Зарисовка о Сергее Васильеве

Как медленно проявляется в красном полумраке лаборатории изображение на листе фотобумаги, так проявлялся для меня и образ неординарного человека — Сережи Васильева, Сергея Васильева, Сергея Григорьевича Васильева.

Юрий ВИШНЯ — журналист, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов СССР (1972). Работал в газетах «Вечерний Челябинск», «Челябинский рабочий»,

«Уральский рабочий» (Екатеринбург), создавал и редактировал российский информационно-коммерческий еженедельник «Контакт», десять лет руководил созданным им телерадиоцентром «Восточный экспресс». С 2005 года занимался продвижением на Урале современных технологий телерадиовещания. Член Международной академии телевидения и радио (IATR), Евразийской академии телевидения и радио (EATR).

Фотографии из серий «Люди», «Баня», «Роддом»

Сергей Васильев. Автопортрет

Первое знакомство состоялось в Челябинском городском фотоклубе. Васильев, тогда не расстающийся с фотоаппаратом капитан милиции, как мне казалось, на равных чувствовал себя с известными в Челябинске фотографами Аркадием Ходовым, Евгением Ткаченко, Юрием Теушем, снимки которых печатались в областных газетах «Челябинский рабочий», «Комсомолец», в центральных изданиях.

Пока я, десятиклассник, только набирался фотографического ума-разума, Васильев уже дискутировал с мэтрами о сюжетах, композиции, технике съемки. Спорили они порой до хрипоты, отстаивая свою точку зрения. И это только подчеркивает тот факт, что в клубе собирались люди талантливые, творческие, которые создавали портрет Челябинска и как города фотографического.

Прежде всего, «фотари» медленно, но верно поднимали на новый уровень качество иллюстраций в газетах, как областных, так и многотиражных и районных. Участие в фотовыставках разных рангов тоже добавляло им авторитета. Каждому успеху радовались, как прорыву. Замечу, что фотография того времени резко отличалась от нынешней цифровой. Фотопленка требовала к себе почтительного отношения при определении экспозиции, проявке, о чем сегодня владельцы разнообразных автоматических камер знают разве что понаслышке. Тогда фотолюбителю, а тем более профессионалу, необходимо было владеть секретами составления проявителя-закрепителя, составов, которых на разные случаи съемки в фоторецептурных справочниках насчитывалась не одна сотня.

То, чему на заседаниях клуба научили гуру фотографии, пригодилось в репортерской работе в моей первой газете «Вечерний Челябинск». Оказалось, что совсем неплохо, если корреспондент может проиллюстрировать свой материал снимком с места события. Не всегда это фото попадало на газетную страницу — место на ней ограничено. Но данное обстоятельство сыграло и положительную роль: мне стало интересно конструирование газетного номера, где требуются не только журналистские, но и иллюстративные материалы.

Солдатская вдова
Невеста
Фотографии из серий «Сельская баня»,
«Рождение человека»
Моржи

Мстислав Ростропович. Из серии «Музыка»

Ясно, что при таком раскладе был прямой путь в секретариат — «сборочный цех» любого печатного издания.

Коллектив газеты «Вечерний Челябинск» всегда отличался, как теперь говорят, креативностью. Творческие находки городской вечерней газеты семидесятых годов двадцатого века ломали стереотипы советской прессы, бывшей рупором КПСС. И поневоле задаешься вопросом: состоялся бы Васильев как мастер, скажем, в областной или, например, в ведомственной газете тех времен? Скорее всего, работа там поставила бы его в узкие рамки, засушила, не дала проявить себя в жанровом многообразии. Счастливый случай, хотя правильнее сказать — дорожка судьбы — привела его в «Вечерку». Этому знаковому обстоятельству должны быть благодарны как сама газета, так и Сергей Васильев. Их в веке нынешнем уже не разделяют: «Вечерка» — это Васильев, а Васильев — это «Вечерка». С первого номера, вышедшего в свет 31 декабря 1968 года, и по сей день Сергей Григорьевич Васильев, перешагнувший семидесятипятилетний жизненный рубеж и пятидесятилетний творческий, верен своей газете. Сколько сделано для нее снимков, не скажет и сам автор. Папка в секретариате с надписью «Фото С. Васильева» была всегда полна. Она пополнялась репортажными, жанровыми, портретными, пейзажными снимками. «Вечерка» любила фотозарисовки Сергея, лирические тексты к которым писали Александр Ляпустин и Юрий Подкорытов.

Нет ничего удивительного в том, что Васильев не владел литературным жанром в той же степени, что и фотографическим. Одним снимком он может сказать больше, чем страницы литературного текста. Таков уж его дар, проявившийся в первых же, еще «не газетных» фотографиях. Они публиковались, в частности, в шестидесятых годах в журнале «Советское фото», представлялись на областных и республиканских фотовыставках.

Мне нравилось работать с Васильевым при планировании газетных номеров. Вычленив главную тему, мы продумывали и иллюстрации, учитывали жанр, «географию», событийность. Такой подход разнообразил газету, четко очерчивал тему съемки.

Что такое удачный снимок? Случай или успешно воплощенный замысел? Вообще, есть ли у фотографии замысел? Начальный замысел. Или только отбор из десятка нащелканных кадров. Кто главнее в авторстве удачного снимка — фотохудожник, ситуация или схваченное

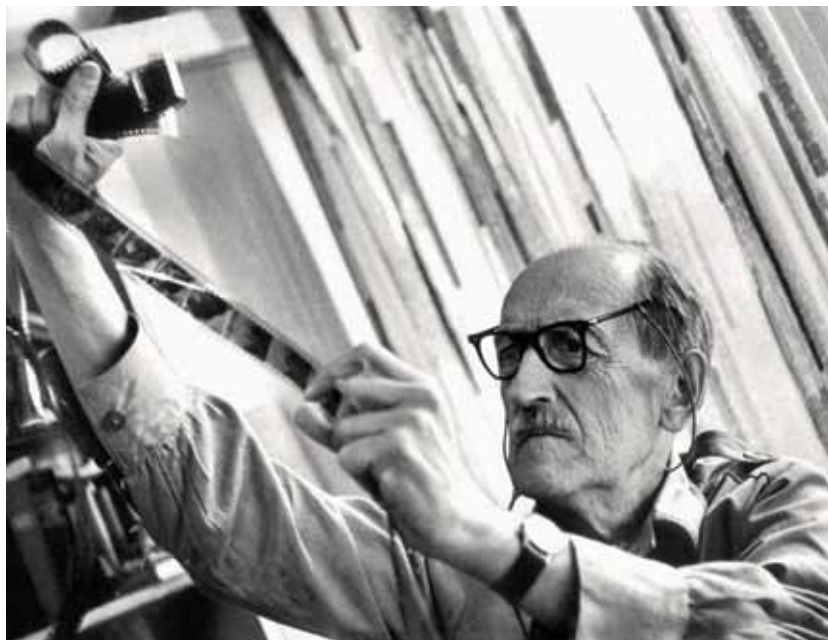
мгновение? Никогда не скажешь определенно и однозначно. Вот оно волшебство фотоискусства. У Сергея Григорьевича есть такая присказка: «Смотрят все, но видят немногие». Я готов рассматривать это как творческое кредо мастера. Именно общение с Васильевым привело меня к мысли, что удачный снимок — это шедевр: смотришь на плоский лист фотоизображения и чувствуешь толстый-толстый слой изумляющего авторского впечатления, переживаний, поиска, мастерства.

Он снимал в цехах промышленных предприятий, в организациях, учреждениях. Тысячи портретов земляков, если собрать их вместе, точно создадут коллективный портрет южноуральцев, где в гигантском кадре и рабочие, и политики, и деятели искусств, и учащиеся, студенты — многонациональный лик города-миллионника.

Приехав из небольшой чувашской деревни, он познавал Челябинск, а Челябинск узнавал его. И как высшее признание заслуг мастера — присвоение звания «Почетный гражданин Челябинска».

А мир отдал должное его таланту, четырежды наградив фотографическим оscarом — «Золотым глазом».

Но эти призы все же в большей степени — за художественную фотографию, которой Сергей отдавал не меньше сил, чем работе над газетными жанрами.

Леонид Оболенский. Из серии «Имена»

**„СОЦИАЛИЗМ СУ-
ЩЕСТВУЕТ, РАЗВИВА-
ЕТСЯ, КРЕПНЕТ КАК
СИСТЕМА. НЕТ БОЛЬШЕ
КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕ-
РИЙ -ЕСТЬ ДЕСЯТКИ МО-
ЛОДЫХ СУВЕРЕННЫХ
ГОСУД**

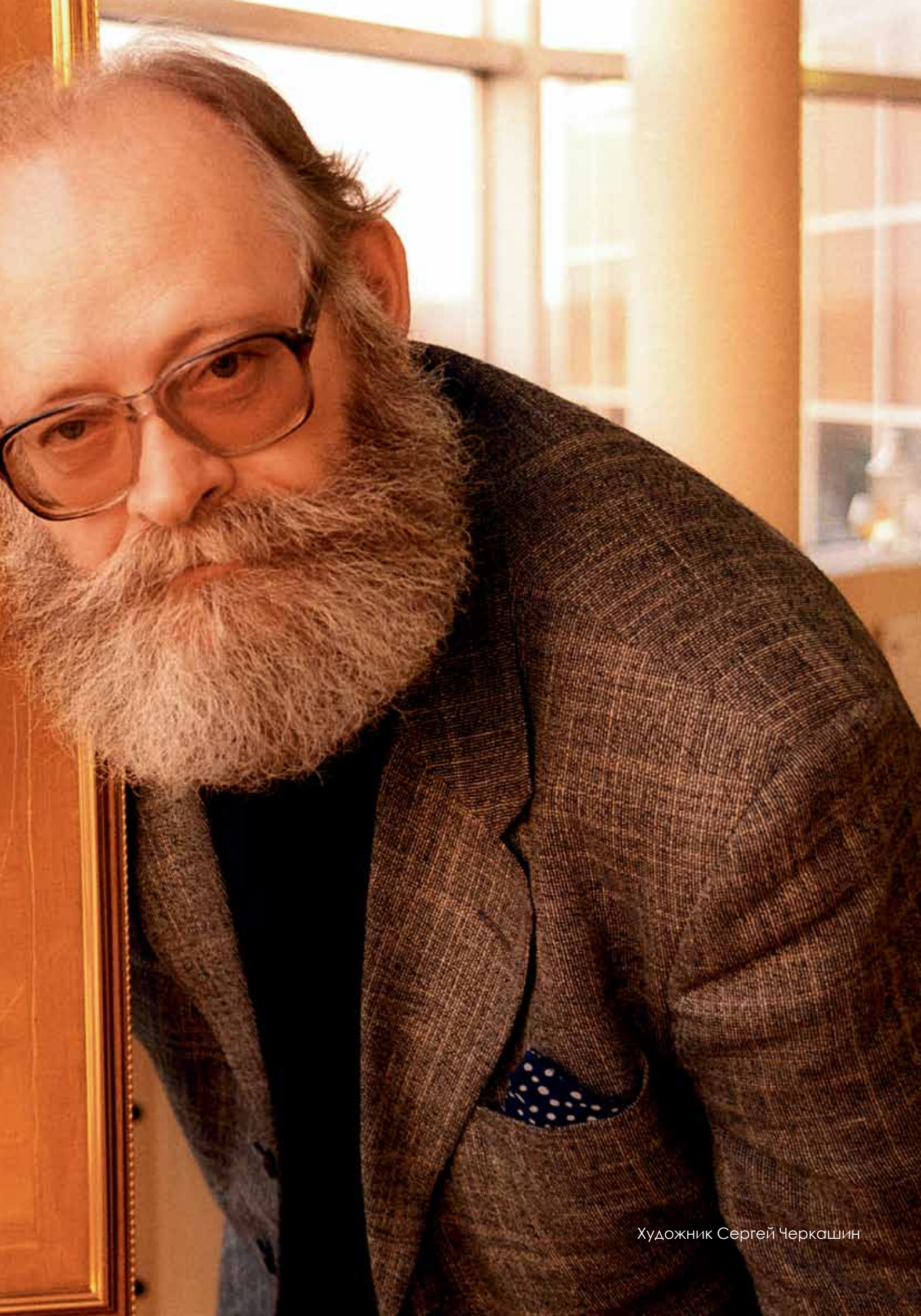
**Н. И. СОЦИАЛЬ-
КИЙ ОБ-
НОМ**

Из серии «Жизнь в неволе»

Художник Сергей Черкашин

Сергей Васильев на открытии выставки World Press Photo. Фото

Родился 16 июня 1936 года в Чувашии, в деревне Малые Кибечи. Член Союза журналистов СССР (1970). Заслуженный работник культуры РФ (1986). Имеет звание «Международный мастер пресс-фото», награды «World Press Photo» (1978, 1980, 1982, 1983). Победитель конкурса «Человек года» (Челябинск, 1998), почетный гражданин Челябинска. Отмечен золотыми наградами «Интерпресс-фото» (1975, 1985), главными наградами фотовыставок в Швейцарии, Германии, Эстонии, Польше, других зарубежных и российских выставок.

Более того, уверен, что съемки вне «обязательной» газетной программы не дали ему «зачерстветь» в повседневной редакционной текучке. Художественная фотография проникала и в его фоторепортажи, которые не всегда воспринимали мои коллеги по секретариату, считая, что для газеты достаточно того, чтобы просто документально зафиксировать происходящее. Но Васильев потому и Васильев, что всегда стремится пропустить попавший в объектив фотокамеры кадр через себя, донести собственное видение до читателя, зрителя. У него нет шаблона. Шаблон и Сергей — вещи несовместимые, и, перефразируя известного писателя, скажем его недоброжелателям: поэтому он Васильев, а вы держите фигу в кармане.

Еще один этап нашего сотрудничества — совместная программа об искусстве фотографии, которая была задумана и осуществлена на челябинском телевизионном канале «Восточный экспресс». В период, когда прилавки стали заполняться цифровыми «мыльницами», профессиональными и полупрофессиональными фотокамерами, освобождавшими «съемщика» от тщательной работы над кадром, технической составляющей, связанной с обработкой пленки, печатью снимков, появлением передачи, которая пропагандировала творческое отношение к фотографии, мы считали важной необходимостью. Смею надеяться, что для многих она стала хотя бы начальной школой фотолюбительства, а фотожурналистам предоставила массовую трибуну для выступлений. И «цифрографов» (так метко окрестил мастер тех, кто знает только одну операцию на цифровой камере — нажатие кнопки затвора) стало поменьше.

Писать о Сергее Григорьевиче Васильеве и просто, и сложно. Исследовали его творчество и российские, и зарубежные корреспонденты. Отдельным его работам можно посвящать полнокровные рецензии. Для начинающих фотожурналистов многие его

снимки — своеобразный мастер-класс. Он мастер — значит, опосредованно учитель. Тут, наверное, к месту будет привести выдержки из интервью, данных Васильевым в разное время. Внимательно прочтем их, чтобы ярче проявились черточки этого неординарного человека, личности, творца.

О репортажной съемке

Фотографию, особенно репортажную, ценят за достоверность. Она по сути своей документальна. Но это не значит, что любой снимок обладает непреходящей ценностью только потому, что изображенное на нем событие произошло и, возможно, никогда впредь не повторится. Искусство начинается с обобщения, с того момента, когда зритель видит в фотографии больше, чем эпизод из жизни не известных ему людей, когда в снимке он начинает узнавать себя, свое время, что-то важное о жизни. При этом оценивается фотография, а не «кухня» фотографа. Автор может тщательно продумать сюжет и композицию, отрепетировать с героями. Убеждать должен снимок, а не фотограф, который стоит рядом и говорит: «Поверьте мне, так было на самом деле».

Муниципальный музей истории Екатеринбурга

О женском портрете

Может быть, у меня есть художественное видение этого. Большинство мужчин женщина интересуется как женщина. А я в первую очередь вижу в ней неповторимую красоту, которую сотворила природа. И нет ничего другого на земле, что способно ее перебить. На этом можно поколени воспитывать. У нас, к сожалению, часто по-другому подают женскую красоту — в эротическом плане. Но выполненная художественно, она становится произведением искусства.

Chel.ru

О нем писали «Das Magazin», «Süddeutsche Zeitung» (Германия), «Månedsbladet Press» (Дания), «Eime International» (США), «La Fotografia» (Испания). И еще более двухсот изданий России и зарубежья публиковали работы челябинского мастера.

Ну что тут скажешь — МАСТЕР.

А вот что говорят коллеги Васильева — фотографы

Виктор ЗАГУМЁННОВ (Москва):

— В советской истории World Press Photo два гениальных человека — Вильгельм Михайловский из Латвии и Сергей Васильев из Челябинска. Почему Васильев? Это фотограф высочайшего класса. Жюри конкурса World Press Photo он отмечен четырежды. Васильев может быть самым разным — от примитива

до провокации, до нонсенов. Быть неровным, непредсказуемым, конфликтным, сомневающимся, увлекающимся человеком может только талантливый человек. В 1982 году в Таллине, когда мы познакомились, мой коллега сказал такую фразу: «Васильев — это компьютер». Компьютеры в то время были величиной с ваш музей, и я потом только осознал, что стоит за этой фразой: колоссальный опыт и знания, умение вписать себя в контекст любого конкурса. Это еще одна грань его таланта: Васильев обладал интуицией и просчитывал успех лучше нас всех.

Андрей ШАПРАН (Новосибирск):

— Для меня Сергей Васильев, безусловно, человек-легенда. Я видел его работы. Это абсолютно другая фотография, не свойственная советской стилистике, — не политическая, экономическая, фотография-плакат, а фотография-образ. Васильев показал без приукрашивания реальную жизнь, но

позитивную («Баня», «Роддом»). Для советского периода это было невероятно интересно. Никто так не снимал... На мой взгляд, мастерство фотографа — это умение войти в доверие, попасть в нужную ситуацию, приехать куда-то и вернуться, не потерять камеру, с людьми сохранить хорошие отношения. Фотограф — это такой одиночка или, грубо говоря, машина, которая должна уметь очень многое. Васильев именно такой — и я смотрю на него, как на легенду.

мастер-класс

В дни Фотофеста мастера российской фотографии делились опытом с участниками фестиваля.

серия "Лето в фонтане"

Виктор Загумёнов
Фото Валерия Жирохова

Виктор Загумёнов:

«Свои фотографии со временем начинаю любить все больше»

Профессионалы фотографии знают, кто такой Виктор Загумёнов. Работы знаменитого российского фотожурналиста, выпускника факультета журналистики МГУ, хранятся в музеях России, Финляндии, Швейцарии и США. Он двукратный лауреат конкурса World Press Photo — фотографического Оскара. Участник более ста отечественных и международных выставок, награжденный множеством престижных призов и медалей.

Лидия САДЧИКОВА — журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета (Свердловск). Работала на телевидении,

с 1989 года — в областной газете «Челябинский рабочий», с 2001 года — специальный корреспондент газеты. Лауреат конкурсов «Женщина года» и «Человек года», отмечена знаком «Золотое перо. Лучший журналист печатных СМИ – 2003». Автор трех сборников «Говорю со звездами», книги «Сказ об «Урале»».

Виктор Загумёнов прошел серьезную профессиональную школу в Агентстве печати «Новости», журналах «Северные просторы» и «Спутник», других изданиях. Недавно он выпустил альбом своих фотографий «Мой Север», который презентовал в Челябинске.

На творческой встрече с местными почитателями он сказал, что профессионального фотографа можно узнать сразу — по повадкам, манере видеть и примечать. Эта характеристика применима и к нему. Виктор очень коммуникабелен, сходу располагает к себе. Как, должно быть, умеет ладить с теми, кто попадает в его объектив. У героев такие лица, что понимаешь — они всецело доверились автору, понимая, что он не причинит зла. Загумёнов, кстати, не считает нужным снимать «чернуху». Мир, с его точки зрения, полон позитивных людей и событий.

Фотокорреспондент — это исследователь жизни? Философ? Регистратор событий? Какую цель он преследует? Об этом Виктор размышлял при нашей встрече.

Арбатские зарисовки

До мгновения и после

— С годами я стал критически относиться к своей профессии. Постигнув какие-то истины, считаю, что ценность моей работы не в создании фотографии момента, а в чем-то другом. Мгновение нас призывает обратить внимание. Но меня больше интересует состояние до мгновения и после него. Все больше задумываюсь над тем, в чем ценность изображения. Из меня готовили репортера, но я никак не мог вписаться в репортерскую среду. Иногда даже переживал, что не репортер. А теперь понимаю: это великое благо, что я перешел границы и выступаю совсем в другом качестве. Для себя вопрос ставлю так: художник я или просто фотограф? Скорее всего — фотожурналист. Я много работал в СМИ, меняя издания, так что эта профессия мне ближе. И мой основной доход, который зарабатываю честным трудом, — тоже от фотожурналистики. Еще, правда, много занимался оформлением зарубежных выставок в ССОДе. Был такой замечательный Союз советских обществ дружбы с зарубежными

странами. Сейчас он, как многие организации, находится в упадке. Я много ездил, переключаясь на новые темы, потому что кое-кого удивляла, а то и раздражала моя страсть к одной северной тематике. Но у меня есть и страноведческие увлечения. Я стал снимать другие республики Советского Союза: Туркмению, Абхазию, Грузию, Молдавию.

На челябинской выставке я разговаривал с нашими азербайджанскими коллегами о проблематике этноса, о взаимном сотрудничестве. Всегда мечтал побывать в Баку. Азербайджан сейчас на подъеме, и в культурных проектах тоже.

Сейчас, правда, нет возможности часто ездить в командировки. Преподаю. Веду мастер-классы. Фотографирую для души то, чего не успевал раньше — «свою» Москву. Такую, какой ее вижу именно я.

Я толерантен в фотографии ко всем видам деятельности. С удовольствием снимаю ландшафты. Меня, бывало, даже спрашивали: «Вы пейзажист? У вас пейзажи своеобразные. Живые». Естественно, я должен разбираться

Настройщик баянов

На связи с бригадой

Коряк Гаврила Никифоров

Возвращение с охоты. Из серии «Эскимосская охота»

мастер-класс

и в макросъемке, то есть видеть мир деталей. Сотрудничество с музеями научило уважать предмет, а «изучательский» опыт по жизни преподносил интересные уроки, поэтому сейчас я спокойно ориентируюсь в пространствах.

Будет ли всплеск?

— В советское время мастера фотографии были штучные. В отечественной журналистской фотографии за каждым снимком, отмеченным наградой World Press Photo, стоят потрясающие истории величайших авторов. А теперь благодаря «цифре» каждый считает себя специалистом в этой сфере. Дай-то Бог, пусть люди имеют возможность проявлять себя. Но настоящих мастеров по-прежнему мало, особенно в таких жанрах, как арт-фотография или рекламная фотография.

Советскую журналистскую фотографию почитали во всем мире. Это был своеобразный ответ американской идеологии, ее влиянию. Серьезное соревнование двух систем. Причем, творческое, сильное. Советские авторы выглядели на уровне, чему способствовала основательная школа Агентства печати «Новости». Горжусь, что я тоже ее воспитанник. И в вашем городе солидные традиции. Здесь, можно сказать, мини-школа. Челябинск сам по себе был агентством.

Все мы показывали миру величайшие образцы взаимодействия в соревновании. В конце 80-х – начале 90-х начали пропадать, потом от нас вообще отвернулись. Сейчас на Западе нас практически не воспринимают. Уровень работ резко снизился. Меня только последний год порадовал: три наших фотографа получили награды World Press Photo. Не уверен, что будет всплеск, подобный тем «урожайным» годам, но попытка прорыва есть.

Вскрытие покажет

— Молодые коллеги, снимающие цифровыми камерами, иногда спрашивают, сколько мне приходилось брать фотопленки, с собой в командировку. Для примера вспомню летнюю поездку 1980 года на Чукотку. Я взял пленки А-2 три банки по 50 метров, 30 роликов «Кодака» узкого цветного, примерно 20 роликов широкого слайда — диапозитивной пленки шесть на шесть, 40 роликов широкой черно-белой для второго фотоаппарата. Это примерный расклад на полтора месяца. Ставил себе план съемочного ресурса и устанавливал внутреннюю планку: придумать, найти и отработать этот ресурс, планируя, сколько тратить в день черно-белой или цветной пленки в зависимости от ситуации. Даже если снимал небольшую тему, ненадолго выезжая в страноведческие поездки, набиралось три-четыре десятка пленок. Возвращаясь, на пару дней запирался в мастерской, выставлял бачки рядами и целыми пакетами проявлял снимки.

Когда у меня после разрыва контракта с журналом «Спутник» появилось свободное время, я почти два года разбирал материалы одной двухмесячной съемки. Открывал для себя неожиданные кадры. Очень интересный процесс! Кстати, когда меня спрашивали о результатах поездки, я всегда отвечал: «Вскрытие покажет».

Даже сейчас, снимая на «цифру», не могу со стопроцентной уверенностью сказать, что получилось, хотя картинка вроде бы перед глазами. «Вскрытие» — это процесс, когда ты начинаешь видеть все нюансы. Разглядеть их позволяет сканирование слайда. Кстати, многие не знают этого. А сейчас изображению, снятому хорошей камерой на слайдовую пленку «Провия» формата шесть на шесть, цены нет! Там такие возможности, что мы даже еще не знаем. Отвергли аналоговую фотографию, не познав всей ее прелести. Только теперь люди начинают копать вовнутрь структуры цветного материала.

Северные модницы. Камчатка

Знаете, что мне нравится? Что свои фотографии со временем я начинаю любить все больше и больше. Может, потому что время появилось. Раньше много работал, снимал без передышки, без оглядки. А сейчас... У меня комнатка завалена папками. Иногда папка упадет, а оттуда очередной «шедевр» вылетает. Отсканирую — ух ты! Есть, конечно, вещи предсказуемые. Выпадает то, что и раньше мне нравилось. Когда снимал, это не было случайностью. Знал, что это классная работа, но руки не доходили. Только сейчас занимаюсь сканированием этих материалов.

Цена вопроса

— Когда я учился в университете, у нас в ли-
дерах ходил один человек. На него буквально

молились: мол, талантливый, гениальный. Все друзья находились под его воздействием. Он стал своим авторитетом пользоваться. Когда его просили фотографировать, он говорил: «Я нажимаю на кнопку только в том случае, если на ней лежит 25 рублей». Вот такая цена вопроса. Но это же подмена понятий. Принцип «нажал — получил, нажал — получил» не может действовать до бесконечности. Жизнь — такой процесс, когда нажатие не всегда приводит к «попаданию». Если человек нажимает на кнопку и не ощущает того, что он делает, или делает, только чтобы «получить», он в результате получает совсем не то, о чем когда-то мечтал. Если ты приходишь в фотографию, то должен выбирать только один путь — путь поиска. Других мотиваций быть не может...

Из серии «Шаманский огонь»

«Письма до востребования» Владимира Сёмина

В дни Фотофеста в Челябинске впервые побывал фотограф Владимир Семин. Человек неординарный, вечный странник и философ, не выпускающий из рук фотокамеру, он провел в краеведческом музее творческую встречу.

На вопросы фотографов, вполне конкретные, Владимир Николаевич напрямую не отвечал. Внимательно выслушав человека, «заходил» издали, «цепляя» все новые темы. Говорил увлеченно, без видимой логики. Но в какой-то момент многослойная вязь жизненных наблюдений и цитат, фотографических тонкостей и откровений перестала казаться бессмыслицей. Стало понятно, что речь идет о самом сокровенном — тайне творчества, внутреннем состоянии художника, постигающего через фотографию окружающий мир.

Первый урок

— Мой путь в фотографию был не из легких, — начал свой монолог Владимир Семин. — Я прошел его, потому что Бог дал мне любовь, преданность делу, которое одаривает не деньгами — совсем другими ценностями, преобразующими нас на духовном уровне. И чтобы пронести этот груз, человек должен быть... не знаю, как точно выразить... неприкаянным. Если, конечно, в его генетической карте имеется какая-то склонность к визуальному мышлению.

Я помню свои детские годы. Однажды в школе нас отбирали в музыкальный класс. Я очень хотел туда попасть. Но когда всех прослушали, меня почему-то вывели за дверь и сказали: «Мальчик, тебе здесь не место». Я чуть не заплакал. Но это был первый маленький урок: человек от природы очень одарен, но не во всем. Или можно сказать, перефразировав Марину Цветаеву: одно дано, все остальное — взято.

Роза в космическом пространстве

Знаете, чем хороша наша профессия? Мы все время делаем открытия — и внутри себя, и вокруг. Жизнь постоянно меняется, эволюционирует. И для того чтобы развиваться, человек должен идти вперед, не допуская малейшей остановки. Конечно, это тяжело — ломать самого себя, свою мысль, свое творчество и каждый раз искать новые ходы. Но иначе вы отстанете. Ведь что такое эволюция? Эволюция — это творческое восхождение.

Мне очень тяжело было осваивать Нью-Йорк, я не чувствовал его. Но однажды все перевернулось. Я прочитал у Эдгара Кейси — американского фотографа и пророка, многие предсказания которого сбылись, — что Нью-Йорк погибнет, уйдет под воду. И посмотрел на этот город иначе, как будто его действительно ско-

Владимир СЕМИН

Родился в Туле (1938), окончил Тульский механический техникум, Петрозаводский госуниверситет, по окончании учебы работал фотокорреспондентом молодежной газеты. Путешествовал по Памиру и Алтаю, Сибири и БАМу, по городам и деревням России. С 1976 по 1982 — фотокорреспондент Агентства политических новостей (АПН). Автор фотопроектов «Святые источники», «Брошенные деревни, позабытые люди», «За монастырской стеной», «Вода» и других. Многократный призер конкурсов World Press Photo и Пресс Фото России, обладатель гранта Юджина Смита (1996). В настоящее время живет в Нью-Йорке.

Татьяна

МАРЬИНА — музыковед, журналист. Окончила Новосибирскую государственную консерваторию. С 1985 года работала в Челябинском театре оперы и балета им. Глинки. С 2001 года в журналистике: корреспондент газет

«Труд-Регион», «Уральские общественные ведомости», редактор отдела культуры газеты «Вечерний Челябинск». В настоящее время редактор сайта краеведческого музея, корреспондент телеканала «Культура». Автор текстов к фотоальбому «Южный Урал — одно из красивейших мест мира», каталогов фотовыставок «Шелковый путь дружбы», «Долгое эхо войны».

Из серии «Шаманский огонь»

ро не станет. И я его полюбил. Тогда же я впервые начал ощущать, что наша удивительная земля — роза в космическом пространстве — очень нежная, хрупкая... Я думаю, мы живем в раю. Но, к сожалению, мы еще не доросли до этого рая, и однажды можем его упустить из своих рук. Мы губим себя и не можем остановиться, чтобы задуматься о том, что творим. Вранье и цинизм стали нормой отношений. И оказывается, что жить в цинизме легче, чем в правде.

Божественный инструмент

Я человек докомпьютерной эры. Я тяжело осваиваю компьютер, и вообще все делаю очень медленно. В этой жизни я очень неудобный человек. Единственное удобство, что с фотографией мы как-то сошлись. Мы сопряжены друг с другом, и она дает мне и большие надежды, и богатство. Думаю, я не остаюсь у этого ремесла, творчества в долгу.

Я все время занимался черно-белой фотографией. Три четверти моих снимков сделаны Лейкой. Божественный инструмент! Я ходил с ней повсюду, и если вдруг видел интересный кадр, что-то екало в душе, — она срабатывала мгновенно. Я не хочу сказать, что Лейка все делала сама. Конечно же, чтобы получить хороший кадр, нужно, чтобы руки были натренированными, а лучше всего — сердце. Как сказал какой-то мудрец: «Если сердце знает — руки не подведут!»

Возможно, по отношению к реальности я был в какой-то степени односторонним. Пришло время — и я перехожу на цвет, осваиваю Кэнон. Почему? Снимать Лейкой стало невозможно: теперь это очень дорогой процесс. Кроме того, появилось чувство, что если не попробуешь новые технологии, то обязательно отстанешь, что-то упустишь. Я перешел на цвет, а мне говорят: «Ну какой у тебя цвет? Что это?!» Я не знаю, какой у меня цвет, но сорок лет тому назад про мои фотографии говорили то же самое: «Что ты делаешь? Кому они нужны?» Хочу высказать сокровенную, немного грустную мысль: когда бываешь в крайности, всегда пронзительно откликаешься на реальность. Поэтому что опора в жизни — это наш дух.

Вне логики

В творчестве все идет само собой, если мы выполняем определенные условия. И эти условия называются «божественной средой».

Фридрих Ницше говорил: «Если долго вглядываться в бездну — бездна начинает вглядываться в тебя». Это действительно так. Все взаимно в этом мире. Я посылаю сигнал, и он обязательно вернется. В 60-е годы я работал в молодежной газете в Петрозаводске, у меня был друг — журналист Гена Сорокин, который занимался НЛО, паранормальными явлениями. Он со слов очевидцев однажды записал удивительную историю. Зима. Едет товарный поезд, тянут его два дизеля. И вдруг из-за леса выплывает светящийся шар. Он «встал» на железнодорожном пути рядом с локомотивом и затем «поташил» состав. Машинисты обомлели: стрелки скоростемера начали дергаться, показатели повышаться. Пробовали затормозить — бесполезно. Тогда они позвонили на станцию, чтобы дали зеленый свет... Я не знаю, сколько километров этот шар (или НЛО) проташил поезд, но экономия топлива оказалась поразительной — триста килограммов. Ровно столько требовалось на преодоление пройденного отрезка пути...

Фотографическое творчество тоже вне логики. Оно высекается каким-то другим способом. Хотя импульсы этого неопределенного состояния есть. Они существуют так же реально, как предметы, которых я могу коснуться рукой. Фотография возникает, если вы отдаете энергию. Чувство — уникальное явление, самое дорогое для меня и притягательное. И если вы не отдадите эту субстанцию тому, с кем работаете, если не найдете контакта с натурой и теми взаимосвязями, которые вам нужно постичь, снимок будет механическим отражением реальности. На голом месте ничего не прорастает.

Счастье — в деталях

Что мне нужно в фотографии? По возможности не расплескав, передать на этом маленьком плоском прямоугольничке жизни ее нерв, ее состояние. Знаете, фотография для меня — это память, размышление. Это письмо до востребования. Я не знаю, дойдет ли оно до адресата. Но моя задача — быть честным, максимально порядочным и сердечным. Остальное не в моей власти.

Во время съемки я никогда не думаю о времени. Сажу до бесконечности, полностью погружаясь в ситуацию, не замечая ничего вокруг. Эта погруженность одаривает бесконечно ценным — возможностью запечатлеть ситуацию глубоко и образно... Когда растворяешься в ре-

Проект «Сибирь. Места силы». Послания в камне

альности, одно из главнейших условий для фотографа, для всех, кто работает с визуальным изображением,— молчание. Одиночество и тишина должны быть вашими сотоварищами. Освобождаясь от слов (а это, между прочим, очень не просто), вы оказываетесь в пустоте. И тогда максимально обнажаются интуиция, чувства, разум сердца. Именно в тишине, в состоянии сосредоточенности и созерцания рождается все самое сокровенное.

Крестные ходы и шаманский огонь

Я не религиозный человек. Когда в течение многих лет снимал крестные ходы, я был насыщен не религией — человеческими чувствами. И в свои послания мне хотелось вложить то, что я чувствовал,— жажду пищи духовной, отношение к земле, воде, дереву, отношению к самому лучшему, что есть в человеке. Не

знаю, дошли ли мои послания до зрителя, но эти дни, месяцы, годы, проведенные в пути, конечно, перевернули все во мне.

И однажды крестные ходы сделали свое дело. Я встретил шаманизм — и он меня ошеломил. Шаманизм — это предтеча всех религий, корневая система. Соприкоснувшись с ним лицом к лицу, я задумал новый проект, в котором много удивительных историй про места силы, священный огонь, послания в камне. Серию «Сибирь. Места силы» начал в прошлом году. Больше двух месяцев я провел в Красноярском крае — в Хакасии и Туве. Там есть менгиры — огромные каменные столбы с выбитыми на них рисунками, которым четыре тысячи лет. Они поставлены в зонах какой-то особой энергетики. Хотя об этом никто толком не знает. Скорее всего, эти послания предназначены не нам...

Проект «Сибирь. Места силы». Послания в камне

Александр Ефремов:

«СТОЯ на месте, идешь НАЗАД»

Он называет себя «поколение табака и алкоголя». Эту фразу любил повторять Сергей Довлатов, но авторство принадлежит американскому поэту Одну. «Все от них, от великих. А я так, примазался», — смеется член жюри международного фестиваля «Фотофест-2012», мэтр экстремальной фотографии Александр Ефремов, не выпускающий из рук сигарету.

Татьяна СТРОГАНОВА — журналист, член Союза журналистов России (1992). Окончила Челябинский государственный университет. С 1991 года работала в газете «Вечерний Челябинск» (корреспондент, редактор отдела, главный редактор). С 2010 года руководитель службы выпуска (литературный редактор) областной газеты «Челябинский рабочий». Лауреат всероссийских и региональных творческих конкурсов. Удостоена почетного знака Союза журналистов РФ «За заслуги перед профессиональным сообществом».

Журналист, фотокорреспондент, редактор, автор многих книг и обладатель престижных фотографических наград терпеть не может слов «фотосессия» (предпочитает беспарфосное «съемка») и «пленэр». Он вообще человек беспарфосный. Ну если, конечно, пикантные усы в счет не брать...

— Давно у вас «сальвадорские» усики?

— Это очень забавная история. Была у меня мастерская в центре Москвы, в палатах XVII века. Как-то приезжает знакомый. Надо, говорит, тебя снять для одного проекта. Если он состоится, потом все расскажу. Гример сделал мне усы, приятель — портрет... Лет пятнадцать уже прошло, а я до сих пор так и не знаю, зачем это было. Но идея с усами мне понравилась.

Ефремов верит в неслучайность встреч. О людях, с которыми судьба свела и подружила, рассказывает с упоением. С известным пейзажным фотографом Алексеем Васильевым они познакомились по пути на Грушинский фестиваль авторской песни в 1985 году.

— Понимаете, не каждый день встретишь в электричке человека с Хассельбладом на шее. Я подсел к нему, познакомились, дружим до сих пор. В 1990 году мы с ним были в Ингушетии на съемке пейзажей. Несколько опасных моментов окончательно сплотили нас. Это теперь с юмором вспоминаешь, а тогда было не до смеха. Мы снимали старые аулы, откуда народ был выселен. Пешком пришлось идти через перевал. Во время последней стоянки вдруг повалил снег. Алексей пошел в горы и пропал.

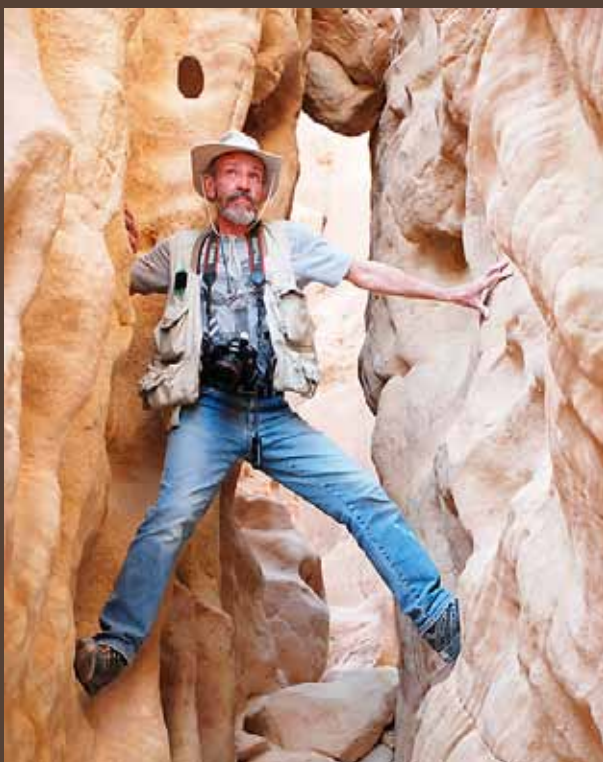
Ненецкое стойбище в Заполярье. Съемка с крыши вездехода

Торгим. Ингушетия.
Съемка во время сильного
снегопада

Долина Тимна. Израиль

Александр Ефремов
Фото Петра Шапиро

Два часа его не было. Когда появился, я был вне себя! Оказалось — под камешком снежный заряд пережидал (заряд — это пятнадцатиминутный снегопад с сильным ветром). Зато фотографии получились хорошие. Мы сняли портреты друг друга, вышло очень смешно: вместо бороды — кусок льда. Только через два часа сидения у костра оттаяли.

В середине 90-х годов он покинул журналистику. Назвал свой уход в рекламную съемку «свободным полетом», несмотря на то что реклама всегда довольно регламентирована.

— Возникла необходимость зарабатывать деньги, — комментирует мэтр. — А заказов тогда было много, и я мог выбирать: снимать — не снимать. У нас с Васильевым был крупный заказ от мэрии Череповца — альбом про город. Получили по тем временам солидную сумму — 16 тысяч долларов на двоих. Я отправился в Германию, купил аппаратуру. С Васильевым мы много ездили по России, потом — и за границу, на пейзажи. Ему уже за семьдесят. Однако и сейчас, бывает, ходим на байдарках. Конечно, он не может уже таскать тяжести походные, это делаю за него я. Зато дрова для костра пилит прекрасно!

Море для Ефремова — не просто живописная натура с учетом наличия «паспорта моряка». Видимо, именно он обязывает фотографа ходить вразвалочку...

— Вразвалочку? — удивляется Александр. — Может быть. Не замечал. Я был в море трижды и опять хочу. Путешествовал на деревянных парусных судах — репликах старинных кораблей. Длинные переходы через Беломорско-

Белая пустыня. Египет
Фото Надежды Самсоновой

Александр Ефремов
Фото Ильгара Джафарова

Балтийский канал, Ладогу, Онегу, Балтику... Шли к французскому Бресту. По судовой роли я числился коком, хотя еду не готовил. Стоял «адмиральскую» вахту, которая с нуля часов до четырех утра. Впечатлений и снимков — огромное количество! Приезжаешь из путешествия — происходит жесткий отбор. Каждый раз не только ставишь себе планку, но и поднимаешь ее. Потому что если стоишь на месте, значит... идешь назад. И не важно — фотография это или какое-нибудь другое творчество.

Александр Ефремов — руководитель фототуров. Существует глубокое заблуждение участников подобных поездок: руководитель должен привести на точку, с которой все снимут шедевр. Но «на пейзаже» такого не бывает.

— В той же Ингушетии мы на одну и ту же точку ходили трижды в разные дни и сняли три разных кадра, — вспоминает мой собеседник. — Один кадр — просто открытка, другой — чуть поинтересней, а третий — реальный шедевр, который не стыдно на выставке показывать. Шедевр — это когда картинка начинает цеплять не только взгляд, но и душу. Хотя «открытки» — тоже

Travel-фотография. Фото Надежды Самсоновой

Точка съемки. Фото Ирины Кузнецовой

дело нужное. Для путеводителей, к примеру. По большому счету, все мы фотографируем сами себя, свое отношение к миру, к действительности. Посмотрели мы с Васильевым потом фотографии, снятые одинаковыми объективами с одной точки... — а кадры разные! Потому что и люди мы разные.

Если не можешь отличить одного фотографа от другого по работам — значит, это плохие фотографы. Мы ведь никогда не перепутаем, открыв текст и не видя автора, Пушкина и Бродского, музыку Баха и Рахманинова, Питерсона и Брубeka, если о джазовых исполнителях говорить. И фотографов тоже невозможно перепутать, если речь идет о мастерах. Митинги снимает огромное количество людей. Но я всегда четко знаю, когда вижу фото,— это работа Юры Козырева. Ну невозможно его почерк ни с чьим перепутать!

У самого Ефремова к митингам профессионального интереса нет.

— Это экстрим другого характера. Понимаете, когда проходишь горячие точки... В Баку по мне

стреляли, было страшно. Поехал однажды казармы снимать. Рядом стоит пятиэтажка, белье сушится на веревке. В центре дома — арка, в арке — танк. Такой вот контраст. А еще рядом белая «Волга», простреленная автоматной очередью, и на ней цветы лежат. Кадр! Готовый! Но у этой арки — автоматчик. И открывает он огонь... Не попал, слава Богу.

Митинги... Есть там определенные сложности. Я снимал их в свое время по заданию редакции. А теперь хожу туда как обычный человек. Снимаю, конечно, но больше для себя.

Отдельная тема — съемка при низких температурах. Аппаратура же не будет терпеть мороз. Да и пальцы не выдерживают. Даже ради белого медведя в кадре.

— Когда снимаешь Арктику, где минус 45, есть масса проблем технического характера. Но на Земле Франца-Иосифа, помнится, даже что-то приличное удалось сфотографировать. Медведя нам, слава Богу, не встретилось. От таких «ребят» лучше держаться на почтительном расстоянии. Я видел мишку, но очень да-

леко. И ветер, на удачу, дул от него к нам. Не все камеры там работали. Хассельблад, например, замерз. Как и руки. Сейчас нашел выход. Знаете, есть такие тонкие простые перчатки, которые ювелиры используют. Реально спасают от мороза! При съемке же важно чувствительность пальцев не потерять. А сверху — варежки. Поснимал — надел их. Минувшей зимой митинг на проспекте Сахарова я в таких перчаточках фотографировал. Ходил, как аристократ (смеется). При этом и сам оказался моделью для многих коллег-репортеров. Некоторые думали — я выпендриваюсь... А это просто очень удобно.

Миф о том, что настоящие мастера фотографии фотошоп не используют, Ефремов категорически развенчивает.

— Я считаю, что это чушь! Фотошоп — точно такой же инструмент, как и фотоувеличитель. Просто, если раньше при печати фотографии в лаборатории мы портили руки разными растворами, то сегодня сидим у мониторов и портим глаза. Вот и вся разница. Важно, чтобы инструмент не довлел. Я использую фотошоп, когда собираю панораму из отдельных кусков. Но на мастер-классе никто не замечает, что панорама собрана. Фотограф должен это уметь. Вопрос уместности и качества применения навыков. Когда печатаешь черно-белые снимки, попадают пылинки. Это безумно раздражает. Другой неприятный момент: бывает, негатив уронишь в собственной лаборатории и ходишь по нему ногами. В былые времена берешь кисточки, скребки, краски, ретушируешь. Процесс трудоемкий, сутки-двое... Вот чем еще фотошоп хорош. К тому же ретушь там совершенно незаметна.

Ефремов мечтает побывать в Антарктиде. И дело даже не в пингвинах (их уже кто только ни снимал) — манят величественные пейзажи. А еще на Гавайях было бы интересно за лавой поохотиться. Лавовая масса похожа на поле битого стекла. Как по нему идти? Когда учился в институте, Александр посещал секцию альпинизма, и советы руководителя запомнил на всю жизнь. Первый — альпинисты бывают только со страховкой, без страховки — дураки. Второй — когда куда-то идешь, путь надо сначала «глазами посмотреть». Иначе говоря, прежде необходимо включить мозги. Когда все продумываешь «на берегу», риск минимальный. А еще есть такое слово «инструкция». К ним почему-то наш человек от-

носитя без должного внимания, не понимая, что некоторые из них написаны кровью. Слово «экстрим» каждый человек воспринимает по-своему. Для кого-то переночевать в лесу в палатке — уже за гранью возможного. Такому человеку подавай пятизвездочный роскошный отель, на четыре звезды уже не согласен. А для Ефремова норма — экстрим «с включенными мозгами».

Полярные крачки защищают свои гнездовья. Соловки. **Фото Надежды Самсоновой**

На мели. Дельта Эльбы, Северное море

Он проводит по 150 фотосессий в год и убежден, что снимает безупречно. Судья международного фестиваля фотографии «Фотофест-2012» Александр Медведев на своем мастер-классе в Челябинске учил коллег делать творчество прибыльным. За одиннадцать лет профессиональной работы он сформулировал и осмыслил несколько иллюзий, мешающих рыцарям объектива становиться богатыми и известными. Эти иллюзии топовый свадебный фотограф из Санкт-Петербурга называет «мои собственные грабли»: сам через них прошел и продолжает порой наступать.

Фотография — это набор правил, выучив которые вы начнете делать шедевры

— Существует огромное количество пересвеченных, со смазанной резкостью фотографий, вошедших в мировые анналы. То есть нарушено все, чему учат в фотошколе. Но думать это почему-то не заставляет. Человек продолжает зубрить правила и рассматривает фотографию с линейкой. Сегодня уже все допускают обрезку части головы в портрете. Поговорили бы мы об этом с художниками лет сто назад. Еще критерий: резко — не резко. Почему одно правильно, а другое нет? Если фото о том, как чувствует себя человек в баре, что правильно? Когда фотограф отдает себе отчет, кого он снимает, какова легенда, какие ощущения должны испытывать зрители, как ни странно, нарушение правил является лучшим способом что-то выразить, чем следование им.

Техника очень важна и многое решает

— Автофокус появился в конце 1970-х годов. Но как-то раньше делали же репортажные фотографии без него. Человеку кажется: вот дадут ему хорошую камеру — и кадры станут лучше. Это самообман. Плохо, когда камера мешает фотографу. Но в большинстве случаев фотограф мешает камере.

Искусство и деньги несовместимы

— Часто доводится читать на форумах «за деньги — это не искусство». Если верить советскому учебнику, несчастный Ван Гог помер в нищете, потому что на загнивающем Западе художникам плохо. На самом деле в мировой истории есть три-пять художников, которые умерли в нищете. Просто они выбрали такой путь.

ИЛЛЮЗИИ

фотографов

Александр Медведев
Фото Константина Шалашова

Все остальные имели слуг, двухэтажные дома и жили безбедно. На поверку большое искусство всегда делалось за деньги. Рембрандт торговался, как редкая базарная баба. Это мешает его работам висеть в крупнейших музеях мира?

Успех определяется пиаром, а что ты производишь, не важно

— Когда говорят «искусство — для себя, а признание не имеет значения», это, конечно, вранье. Потому что если человек выкладывает фотографии в Интернет, значит, он хочет их показать другим людям. Пиар — это когда тебя знают. А когда тебя не знают, остается только обсуждать более удачливых коллег: у нее лучше «фотики», она сделала себе имя, она с кем-то переспала... Никогда ж не признаемся, что лежим на диване в то время, когда та же самая Сара Мун один за другим реализует проекты в Париже.

Фотошоп — лучший инструмент фотографа

— На самом деле фотошоп — не средство. Средство — это свет и сам фотограф. В современном фэшн профессионалы сразу фотографируют классно. Если ты сидишь три дня в фотошопе, заработанные 30 тысяч евро приходится делить на четыре дня. А твой коллега тем временем уже третью съемку делает, становится известнее и больше зарабатывает. Фотошоп коммерчески неэффективен. К тому же всегда очень хорошо видно, снималось или «лечилось».

Наличие модели клиента. Настоящего творчества клиент не поймет...

— «Так хотел заказчик...» — часто оправдывается фотограф после неудачной фотосессии. Если вы уверены, что все клиенты — быдло и хотят чего-то простенького, вы ничего не знаете о людях. Порой мне ставят в упрек: «Твои фотографии специфичны, они не для всех».

Во всем мире дорогие товары имеют очень маленькую аудиторию. «Все» — это не критерий. Нравиться всем — это работать за минимальную плату. Чем выше цена, тем уже ниша. Если все время чего-то бояться, неизменно будет получаться типовая серая фотосессия. Никому, кроме вас самих, не интересная.

И еще один секрет, которым охотно делится Александр Медведев, — надо уметь восхищаться объектом своего творчества. Мэтр свадебной фотографии искренне убежден, что все его модели сексуальны, а влюбленные пары — классные. Эта уверенность каким-то мистическим образом передается натуре. Внимание! Съемка!.. И вот уже так считает и зритель, рассматривающий фотографии.

Татьяна СТРОГАНОВА

В статье использованы фотографии Александра Медведева

Сергей Гаврилов — профессиональный кинооператор. Окончил Всесоюзный институт кинематографии (ВГИК), снял более десяти документальных фильмов. Потом всерьез увлекся фотографией, и получил второе образование в Лондонском университете искусств. Сегодня Сергей Гаврилов — успешный рекламный фотограф. Он занимается fashion и арт-фотографией, много снимает для российских глянцевого журналов. В дни Фотофеста столичный фотограф, член жюри нынешнего фестиваля, провел двухчасовой мастер-класс. Тема «урока» — «Портрет с вдохновением».

Мастер-класс Сергея Гаврилова
Фото Константина Шалашова

ПОРТРЕТ

с характером

Уйти от гламура

Очень часто его модели — известные актеры, музыканты. Но для фотографа это прежде всего люди, у которых есть свои взгляды, привычки, недостатки. Выразить индивидуальность человека — вот что для него главное. Поэтому каждый раз, встречаясь с моделью на съемочной площадке, Сергей Гаврилов создает образ с «чистого листа» — живой, неповторимый, с характером... Как это происходит, чем интересен жанр — размышляет мастер.

— Портретной фотографии очень много и в Москве, и в мире. Куда не глянешь — сплошные лица, изображения людей. Это надоедает, внимание зрителя притупляется. Поэтому хочется делать что-то интересное, чтобы человек хотя бы на секунду остановился, посмотрел... Как ни странно, многие не воспринимают свою естественную фотографию, будь то звезда или обычный человек. Если фото поместить на обложке журнала, он скажет: «О, ужас!» А в неудаче будет винить фотографа или собственное несовершенство. С этим нужно бороться, потихонечку уходить от гламура, который навязывается со всех сторон.

Чтобы сделать хороший портрет, нужно прежде всего объект съемки разговорить. **Разговор — это способ модель раскрыть. Как только человек понимает, что у вас есть нечто общее, он перестает относиться к фотографу, как к чужаку.**

Во время общения обязательно находятся точки соприкосновения, потом возникают некие эмоции, ощущение человека. Постепенно ты понимаешь, каким он должен быть в твоей фотографии.

Так работают многие западные фотографы-звезды: разговаривают со своей моделью о чем угодно — об искусстве, магазинах, новом фильме. Проходит час, два. Кажется, ничего не происходит, большая широкоформатная камера лежит где-то в стороне. На самом деле фотограф уже выбрал точку съемки, понял, куда нужно усадить модель. В нужный момент берет камеру, нажимает на затвор один раз, второй — и съемка состоялась.

Красота без фотошопа

Иногда для портретной фотографии не нужно ничего лишнего — просто белый фон и человек на этом фоне. А иногда возникают сложности. К примеру, есть лица, которые снимать трудно.

Это могут быть очень талантливые актеры, которые хороши на экране, но фотокамера их «не любит». Тут есть свои приемы. Хороший кадр можно сделать не с помощью фотошопа, как многие привыкли, — освещением, ракурсом, точкой съемки.

При обработке фотографий никаких цифр и показателей запоминать не надо. Если у вас приличный монитор, у которого матрица IPS (или ее разновидность), вполне достаточно визуального ощущения. У меня в компьютере фотошопа нет. Обработку по цвету я делаю в нескольких программах: Capture One, Aperture, Lightroom. Они немного отличаются функционалом, удобствами, но по результату разница небольшая. Выбор зависит от настроения, от того, что хочешь сделать. Так же, как с аппаратурой: иногда хочется снимать этой камерой, а не другой, тем объективом или иным.

Идеальный свет

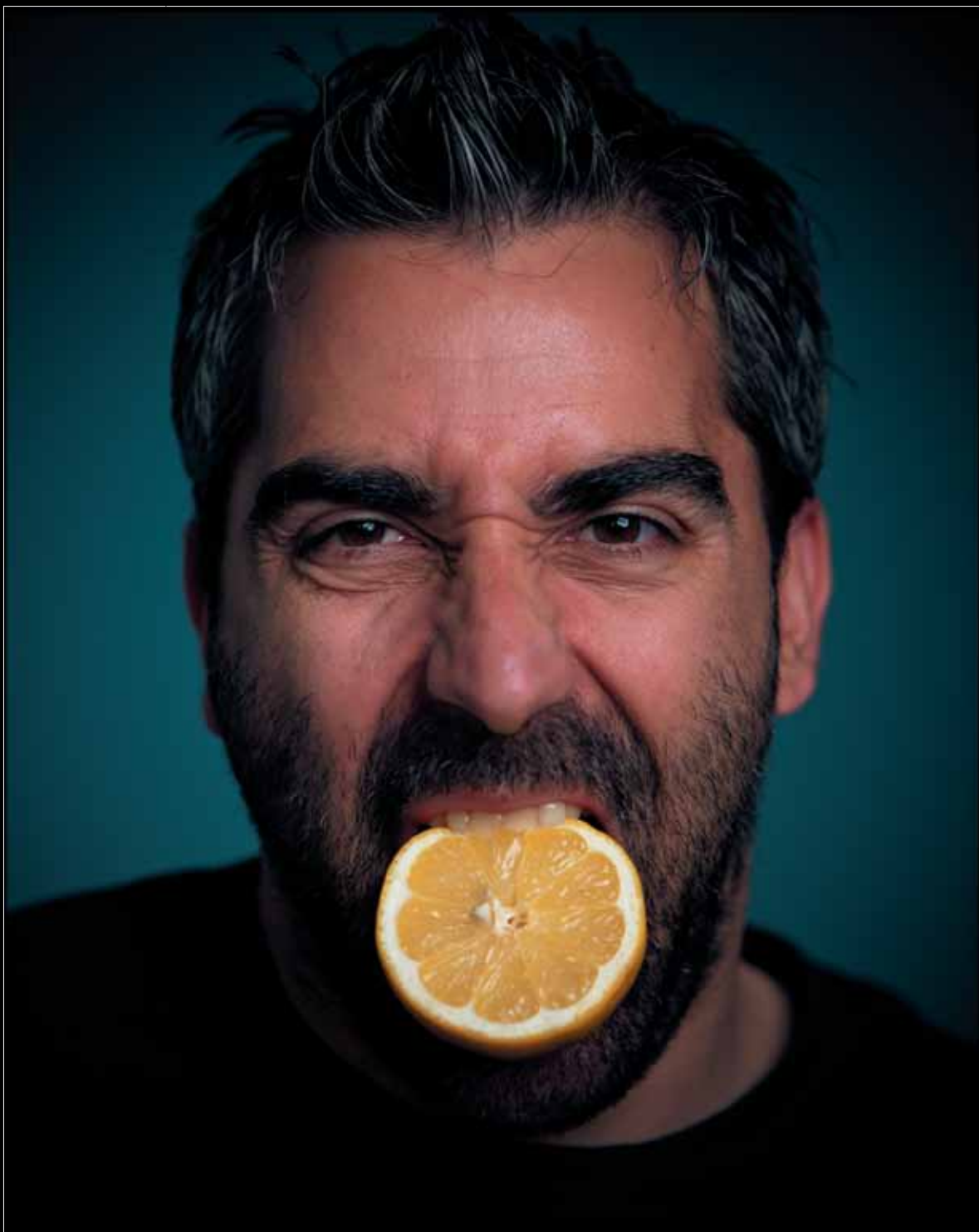
Я не люблю вспышки. Обычно они слишком мощные, движение при съемке «замораживается». Но иногда это необходимо. Вспышку (и не одну) можно использовать, когда хочется сделать подчеркнуто искусственное изображение. Или когда нужен свет, который уберет следы несовершенства.

Как только появилась возможность, я начал использовать постоянный свет — такой же, как в кинопроизводстве. Это проще, технологичнее, удобнее для творчества. Высокая чувствительность позволяет чуть-чуть подсветить модель (если необходимо) и дальше пользоваться естественным освещением. Уровень размытия (из-за движения) контролируется выдержкой затвора — длиннее или короче. Кроме того, можно снимать на открытой диафрагме. Это идеально. Получается более живая естественная картинка. Она не такая резкая, как при вспышке, поэтому требует гораздо меньшей обработки. Кроме того, с точки зрения эстетики постоянный свет другой: применение так называемых линзовых приборов создает очень красивый эффект. Классический пример — черно-белые фильмы 30–40-х годов прошлого века. Там есть чему поучиться.

Мелочи, которые облегчают жизнь

При съемке портретной фотографии баланс белого я выставляю вручную. Почему — объясню. При малейшем изменении цвета фона ка-

Шеф-повар и писатель Хорхе де Анхель Молинер
(обложка книги «Испанец. Гастрономические зарисовки
испанца в России»)

Актриса Светлана Иванова

Музыкант ЧарлиД (Лондон)

мера реагирует автоматически — и все кадры получаются разными по цвету. А это головная боль. Пусть лучше баланс будет неправильный, но один. Когда цветовая «температура» в течение съемки одинакова, а свет не меняется, то файлы обрабатывать проще.

Процентов 50-60 своих съемок я делаю с помощью камеры, подсоединенной к компьютеру. Крайне полезная вещь. В процессе работы модель видит, что получается, и мы начинаем творить вместе. Очень помогают программы для конвертации raw файлов, которые я упоминал выше. Они позволяют корректировать изображение тут же, налету. Картинку можно сделать черно-белой, изменить контраст или насыщенность. Или включить невероятную обработку, от которой в дальнейшем вы, скорее всего, откажетесь. Изображение получится не совсем реальным, зато вызовет нужный эффект: «Вау, как интересно!». То есть с помощью безобидных технических приемов модель как бы вовлекается в процесс съемки, объединяются два мира, два подхода. Именно такой результат бывает наиболее интересен.

Но иногда лучше не показывать то, что вы делаете. Правда, в моей практике это случается редко, потому что рядом работает команда. Модель оденут, причешут, сделают макияж. Если помощников нет, фотограф должен сам следить, как выглядит модель: не слишком ли много стразов или золота, не надела ли леопардовые легинсы. Чтобы человек не выглядел, по крайней мере, пошло.

Если хотите, чтобы вас запомнили, вы должны своими работами вызывать эмоции. Обычно фотографы стараются запечатлеть исключительно позитивные состояния. Но если честно, запомнят вас по отрицательным эмоциям, которые можно вызвать теми же средствами — светом, композицией, ракурсом. Чем ярче эмоциональное воздействие, тем сильнее эффект. Тем выше резонанс.

Тенденции

Мир фотографии постепенно переходит на постоянный свет. Лет через десять импульсное освещение перестанут применять так широко,

как сейчас. Так что подумайте, стоит ли покупать только вспышки.

Фотография постоянно развивается, конкуренция растет. Чтобы оставаться «живым» в профессии, нужно быть еще и видеооператором. Ситуация изменилась несколько лет назад, когда компания «Кэнон» выпустила модель Canon 5D Mark II, позволяющую снимать и фото, и видео с очень высоким качеством. С ее появлением в фотоиндустрию хлынул поток мультимедиа, не только в репортажной фотографии, но и в портрете. Так что сегодня объединение фотографии и движущегося изображения — уже не будущее, а настоящее.

Татьяна МАРЬИНА

Фотографии из архива Сергея Гаврилова

на острие жизни

Главным событием конкурсной программы
Открытый областной фестиваль фотографии «ФотоФест»
Церемония награждения состоялась 19 мая в краеведческом музее

МЫ СТАЛ
ест-2012».
ом музее.

Евгений Ткаченко:

«У настоящего репортера
главным является
ЧЕЛОВЕК»

В оценке творчества наших фотографов мы бываем субъективны. Кого-то ругаем, кого-то восхваляем, где истина — не поймешь. Но когда сталкиваешься с явлением эталонного порядка, всё становится на свои места: критерии «прочищаются», излишняя комплиментарность улетучивается без следа. Так было на Фотофесте. Показанная в Челябинск выставка World Press Photo стала камертоном в оценке фотографического мастерства.

— Мы получили великолепный материал, — начал разговор об итогах конкурса репортажной фотографии в номинации «На острие жизни» известный челябинский журналист и фоторепортер, собкор ИТАР-ТАСС по Челябинской области Евгений ТКАЧЕНКО. — World Press Photo — это высшая школа, «полное собрание сочинений» советской и российской фотографии, по которому можно учиться бесконечно, каждый раз соизмеряя, сопоставляя, сравнивая с тем, что делаем мы. Если с этих позиций судить о результатах конкурса репортажной фотографии и итоговой выставке «На острие жизни», то, с моей точки зрения, мы значительно уступаем уровню «сборной» страны.

Поймать характер

— Чего не хватает конкурсным репортажам?

— Название номинации «На острие жизни» подразумевает присутствие человека как главного действующего лица. Потому что проводником между автором и зрителем в любом репортаже должен быть именно человек, его дело, результаты его творчества. Если умело «поймал» характер человека, значит, снимок получился. К сожалению, в большинстве конкурсных ра-

Евгений Ткаченко. Фото Бориса Каулина

бот этого нет. Многие вещи решаются через что угодно, даже через красивую фотографию, но не через человека. Пример — серия «Ночные дела», где рассказывается о том, что жизнь в большом городе не останавливается даже ночью. Да, красиво. А человека при этом нет.

— На снимке «Марш Краснознаменного 79-го полка» Сергея Коляскина тоже лица не видны.

— Но здесь есть динамика, настроение, выбрана очень хорошая форма подачи. Это настоящая репортажная фотография без ссылок на технические трудности ночной съемки.

Снимки лауреатов и победителей конкурса репортажной фотографии

Александр Фирсов

Из серии «Чебаркульский полигон»

Достать суть

— Говорят, что сегодня сложно выбрать тему: все уже снято, все дорожки исхожены...

— По темам — да. Но по изображению, искусству восприятия не может быть конца. Можно попасть в обыденную обстановку — и сделать шедевр. Лучшие кадры Володя Белковский снимал в своей квартире, под своим балконом, в кругу близких. Важно содержание, настроение, глубина.

— Жизнь изменилась, понятие злободневности тоже.

— Нет сомнения, что настоящий фоторепортер должен отражать в творчестве все, что происходит вокруг. Но я никогда не поверю, что сегодняшний зритель должен непременно увидеть безнадегу и скуку, которая поможет в чем-то переубедить, заставить измениться. Он должен почувствовать жизненную позицию автора. А это уже зависит от умения фоторепортера создать образ, характер. Да, трудно. Не каждый характер возможно, щелкнув аппаратом, прочитать. К тому же сегодняшняя жизнь города, общества, страны, гораздо сложнее и запутаннее, чем десять или двадцать лет назад. Вместе с прогрессом на нас хлынула масса

новых забот, огорчений, несбывшихся надежд. Под их тяжестью многие люди замыкаются, не желая проявлять своих чувств. Журналисту труднее работать, труднее разговаривать человека, чтобы понять его философию, достать суть и до конца раскрыть тему.

Перебор

— Больше трети работ экспозиции «На острие жизни» — это фотографии стариков — унылых, подавленных, похожих друг на друга, — продолжает Евгений Иванович. — Не видно, чего они хотят, добились ли чего в жизни. Но ведь среди пожилых, так же как и среди молодых, немало людей веселых, сильных духом, оптимистичных. Просто нужно подсмотреть, попытаться создать или спровоцировать такое настроение, чтобы родилось нужное выражение лица.

Отдельным авторам трудно предъявить претензию, однако перебор темы старости есть. Я не против: раскрывать её нужно. Но это не значит, что в кадре должны быть одни крупные планы, морщины и глаза. Можно поискать необычный свет, ракурс, уловить момент, в котором появится динамика. Все зависит от того, что ты

Александр Фирсов

Из серии «Чебаркульский полигон»

хочешь от этого кадра. Если знаешь, для чего снимаешь, то зритель все поймет.

Лучшие кадры

— Мне понравилась серия Александра Фирсова «Чебаркульский полигон». Чувствуется отношение автора к тяжелейшему труду десантников, этих мужественных парней, которые бесстрашно лезут в облака, бросаются в бездну. Особенно удались кадры, где десантники идут на посадку в самолет, где масса белых точек-парашютов, приближаясь к земле, закрывает все пространство. Солдаты с мужским настроением — сильные, без страха в глазах... Единственно, мне не доставало типажа, крупного плана — образа сегодняшнего российского воина. Тогда серия была бы еще сильнее.

У Игоря Лагунова — свое острие жизни. Подборка фотографий «Жизнь в темноте» — о том, как человек с недугами борется за жизнь, к чему-то стремится. Есть история, глаза человека, есть выразительный образ. Можно найти недочеты с технической точки зрения. Но совершенно очевидно, что Игорь Лагунов — думающий, талантливый фоторепортер.

В серии фотографий Андрея Шапрана «Охота на кита» раскрыта необычная тема. Чтобы ее сделать, нужно черт знает куда поехать, болтаться на волнах, рисковать. Это трудно, но зрителя мало волнует: он хочет видеть интересную историю. Если эту серию рассматривать как результат фотографический, то самая мощная работа — красивый снимок чаек, кружащих в вечернем солнечном свете над красным фоном — растерзанным китом. Но это не суть. Снимок чаек мог бы стать вторым, а первым должен появиться человек, который сумел победить огромного кита. То же самое в серии «Пимокаты». Кажется, есть все — ощущение нестерпимой духоты, влажности, физического напряжения. А где сам пимокат? Где его глаза, руки, чувства? Мне кажется, это беда не только прошедшей выставки — нашего времени, состояния фотографии, особенно репортерской. Но если мы творцы исторической фотографии, мы должны быть творцами образа человека. Иначе при съемке событий уходит главное — то, что будет интересно зрителям через много лет.

Фото Вячеслава Шишкоедова

Александр Фирсов — личность в Челябинске известная, как, впрочем, и за пределами Урала, благодаря своим снимкам в газетах «Челябинский рабочий», «Вечерний Челябинск», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты». Персональными выставками его не удивишь, наградами тоже. Однако получить Гран-при Фотофеста из рук мэтра отечественной фотосъемки, обладателя престижных наград «Золотой глаз» Сергея Васильева для Александра было волнительно и почетно.

Александр ФИРСОВ: «Никогда не скажу, что я **Все умею**»

Пристрастное жюри Фотофеста лучшей работой конкурса назвало его серию репортажных снимков «Чебаркульский полигон». Серия действительно получилась содержательной, разноплановой, яркой. Фотограф постарался, да и случай не подвел. Сам Александр признается, что военкором себя не считает — не так уж часто приходилось снимать учения, — но тематика близка. С премудростями военной жизни знаком не понаслышке — сам из семьи военного, к тому же служил в ВВС. Но быть в свободном полете на высоте 800 метров ему еще не приходилось.

— Загрузились в самолет с хвоста, — вспоминает о том, как проходили съемки, победитель. — Техник мне говорит: «Отсюда снимать будете». Я на край встал, думаю: «Ничего себе. Даже на земле страшно». «А привязаться можно чем-нибудь?» — спрашиваю. Принесли трос. На нем меня и «подвесили»: влево-вправо можно

Виктория ОЛИФЕРЧУК — журналист. Окончила театральный факультет Челябинской академии культуры и искусств. В течение десяти лет работала в телерадиокомпании «Восточный экспресс» в качестве

автора и ведущей программ «Экспресс-утро», «Экспресс-день», «С утра до вечера», «Арт-провинция», «Домострой», «Что почем», «Денежный вопрос», ночных эфиров на радио «Восточный экспресс».

С 2009 года корреспондент телеканала «Культура» и газеты «Вечерний Челябинск», пресс-секретарь министра культуры Челябинской области.

Из серии «Чебаркульский полигон»

было двигаться свободно, но не вниз. Когда увидел землю с высоты 800 метров, я такой восторг испытал! Оглядываюсь, а десантники уже прыгают. Я за аппарат — а они уже как точки. Потом, на земле, узнал, что все 44 человека покинули самолет за 18 секунд.

Эти кадры, сделанные в свободном полете, безусловно, стали «изюминкой». Впрочем, и другие хороши. Военная атака, все разворачивается в мгновение ока, поймать и запечатлеть это мгновение — задача не из простых.

— Когда десант падает, кажется, что летит одной гурьбой. «Ну, — думаешь, — сейчас чуть поближе, и сниму». А они вдруг раз — и врассыпную. Только приготовился сделать кадр, а ветер унес

парашют в другую сторону, и ты за ним по полю несешься. А у меня две камеры, да еще кофр. Словом, умора. Хорошо, что физкультурой занимался в свое время.

Портретные снимки привлекают особое внимание: командир, военный священник, десантники перед прыжком... За каждым угадываются характер и настроение. Похоже, репортаж и портрет фотографу более всего близки. В прошлом году Фирсов единственный снял дымящийся вагон с разлившимся бромом, а в его архивах уже накопилась целая галерея портретов знаменитостей и VIP-персон. — Терпеть не могу глянцевые журналы, снимают «обложку», а не человека, — признает

Из серии «Чебаркульский полигон»

ся Александр Васильевич.— Я всегда стараюсь подметить какую-то черточку интересную. В этом отношении хорошо снимать людей, которые живут далеко от цивилизации, в маленьких городках — они более открытые, непосредственные, да и вообще другие люди.

В то же время не отказывается фотограф и от других жанров. Запросто, к примеру, может провести свадебную съемку. Были в его практике и спортивные репортажи, и природные ландшафты, и даже в стиле «ню» пробовал снимать.

— В свое время в челябинском фотоклубе меня учили так: хороший снимок — то, что интересно окружающим, а не только тебе. Научись это

отличать — станешь профессионалом, нет — останешься любителем.

Эту мудрость Александр Васильевич хорошо усвоил, как, впрочем, и другую — нельзя останавливаться на достигнутом, надо идти вперед и вперед, ведь предела совершенству нет и не может быть.

— Никогда не скажу: «Я все знаю, все умею». Это неправильно. Если такое произойдет, значит, человек как творческая личность себя исчерпал.

Из серии «Чебаркульский полигон»

1-я премия
в номинации «На острие жизни»:
серия фотографий «Жизнь в темноте»

Автор **Игорь Лагунов (г. Магнитогорск)**

**Игорь
ЛАГУНОВ** — профессиональный фоторепортер, лауреат российских и международных фотоконкурсов. Серия фотографий «Жизнь в темноте» снята в Троицкой школе-интернате для слепых и слабо видящих детей. Хотя первые кадры на эту тему фотограф сделал шесть лет назад

Фото Владимира Ежова

— Я снимал в Магнитогорске юбилейный концерт хора слепых. В зале было много людей из Общества слепых. Я наблюдал за их лицами и думал: «Несмотря на недуг они радуются жизни, поют, мечтают — и выглядят гораздо счастливее многих из нас!» Во время той съемки был сделан портрет человека с мощными линзами. Хотелось развить эту тему, и только теперь удалось. Я поехал в Троицк, в школу-интернат для слабовидящих детей, чтобы договориться о съемке. Директор интерната не возражал, но требовалось согласие родителей. Через две недели разрешение было получено — и 27 апреля я был там.

Поскольку 30 апреля заканчивался прием работ на «Фотофест-2012», на съемку оставалось два дня. Но я заранее знал, какие два кадра нужны. Снимать решил с ярким, резким светом, чтобы в кадре присутствовали солнце и тень. Приехал — а в Троицке пасмурно, дождь. И только на второй день появилось солнце. Нужные два кадра я снял...

Игорь Лагунов. Из серии «Жизнь в темноте»

2-я и 3-я премии
в номинации **«На острие жизни»:**
серия фотографий **«Охота на китов»**
и **«Алтайские пимокаты»**

Автор **Андрей Шапран (г. Новосибирск)**

Андрей ШАПРАН — профессиональный фотограф, член Союза фотохудожников России, лауреат всероссийских, международных фотоконкурсов и фестивалей. Родился и вырос в Риге, в 1992 году окончил Латвийский университет. В фотоконкурсах участвует с 1996 года. С 2005 года работает над проектом «Крайний Север». Репортажи Шапрана публикуются на страницах ведущих изданий России, таких как «Русский репортер», «Огонек», «Вокруг света», в газетах «Труд», «Известия», «Российской газете». Жанры: природный и городской пейзаж, социальный репортаж.

Фото Алексея Гольянова

Историю о китобоях Андрей Шапран снимал в 2008 году на Чукотке:

— Киты дважды нападали на лодку, на расстоянии двух метров кит плавником бил о воду, обрушивая на нас лавину воды. Условия экстремальные, но чувства опасности не было. Все происходило с невероятной скоростью... Казалось бы, сюжет и образ охоты складывался сам собой: яркое солнце, голубое море, прохлада — и тут происходит убийство. В этой мажорной картинке нет ощущения драматизма, хотя на самом деле это очень жестокая драма. После первого удачного для китобоев выхода в море хотелось поскорее уехать. Но я все-таки остался, и жил на Чукотке еще три месяца.

Для меня важно как можно глубже погрузиться в атмосферу, узнать людей, которых я снимаю. К сожалению, это не всегда удается. В 2010 году, собираясь на съемку пимокатов в Алтайский край, я не представлял, что это за ремесло. А когда приехал, был потрясен. Фабрика «Орбита», одно из немногих сохранившихся пимокатных производств — это маленький конвейер, где работает несколько человек. С одной стороны, невероятная фотографическая фактура, с другой — ограниченное пространство, где каждый день происходит одно и то же. Другого кадра дожидаться очень сложно. Нужно было провести там не два часа, а три, пять дней. Увидев, что мы «не торопимся», директор фабрики забеспокоился, начал проверять документы — не шпионы ли. Солнца не было вообще. В итоге, сделать удалось всего два-три кадра. Остальное было пустое.

Андрей Шапран. Из серии «Охота на кита»

на острие жизни

Андрей Шапран
Из серии «Алтайские пимокаты»

— Собираясь на съемку пимокатов в Алтайский край, я не представлял, что это за ремесло. Созвонился с директором фабрики «Орбита», где сохранилось одно из немногих в Сибири пимокатных производств (цех по изготовлению валенок), и поехал с коллегами на Алтай, просто вслепую. Я был потрясен тем, что увидел. С одной стороны, невероятная фотографическая фактура, в то же время очень узкое — маленький конвейер, на котором работает несколько человек, и каждый день — одно и то же. Другого кадра в таком ограниченном пространстве дожидаться очень сложно. Нужно провести не два часа, а три, пять дней. Увидев, что мы «не торопимся», директор забеспокоился, начал проверять документы — не шпионы ли мы. Технология у каждого пимоката своя, практически ручная работа. Солнца не было вообще. И я сделал всего два-три удачных кадра. Остальное было пустое.

Владимир Богдановский:

«Работы челябинцев

видно сразу»

Однако избежать однообразия итоговой выставки конкурса художественной фотографии не удалось. С таким мнением согласен председатель жюри Фотофеста, признанный мастер пейзажной съемки Владимир БОГДАНОВСКИЙ.

— Так бывает, даже если экспозиция составлена из безупречно выполненных работ. К сожалению, с выставкой «Природа красоты» так и произошло. Это отчетливо видно на примере пейзажной фотографии.

Среди участников итоговой экспозиции больше половины — южноуральцы, что вполне логично. У нас хорошая репортерская школа, мы следуем ее традициям, даже занимаясь художественной фотографией. Поэтому среди конкурсных снимков авторов из других регионов и даже стран работы южноуральских авторов легко узнать. Естественно, есть и некие повторы, часто цитируемый уральский пейзаж. Для съемки конкретной фотографии, возможно, найдено более интересное место, более тщательно передано настроение, и снято удачно. Тем не менее, возникает ощущение, что нечто подобное мы уже видели не один раз. Уровень работ разный. Мне импонирует, к примеру, то, что делает фотограф из Челябинска Наталья Беленцова. Ее пейзажи безукоризненны: все идеально расставлено, очень технично, композиционно вымеряно, и я понимаю, что за этим стоит тщательная подготовка, точно выбранное время и место в определенной точке земного шара. Фотоработы Виктора Новокрещенова (с. Миасское Челябинской области) тоже привлекают внимание. Высочайший уровень. В каждой есть настроение, в нужном месте сделаны акценты, все работает на картинку: зеркало небольшого озера в снимке «Ловля облаков на закате», уходящий в перспективу лес, движение воды в реке, плещущиеся уточки — две точки, которые держат

«Никаких ограничений, никаких рекомендаций»... Так решили устроители «Фотофеста-2012», предложив для конкурса художественной фотографии тему «Природа красоты». И предоставили авторам полную свободу. Можно было реализовать любую идею, взять за основу любой жанр: портрет, натюрморт, городской или природный пейзаж, использовать макросъемку или коллаж, возможности компьютерной графики.

Виктор Новокрещенов. Ловля облаков на закате

природа красоты

весь снимок («На реке сказок»). Мастерски сделаны фотографии Сергея Зырянова (Челябинск) — «Апрельский лед»... Все здорово. Но этих классных пейзажей для одной выставки многовато. Хочется жанрового разнообразия, новых образов, свежих идей.

Как некий всплеск, неожиданный прорыв воспринимаются пейзажи Виктора Окулова из Миасса. Снимки, сделанные в режиме макросъемки, открывают тему, для наших фотографов неизведанную. В кадре — всего лишь небольшой кусочек дерева, и на нем — белая плесень, какая-то растительность, живность. Но вдруг понимаешь, что в сопоставлении разных форм и уровней жизни, начиная с простейших, можно увидеть движение времени, соотношение разных миров, которые отделяют миллионы или миллиарды лет. Виктор Окулов снял некий пейзаж, в котором есть загадка, интрига. Для фотографии это очень важно.

Абсолютно другой подход (отличный от нашего) мы видим в серии фотографий «Утраченное» Юрия Притиска (Чебоксары). Высказывания автора лаконичны и образны, два-три объекта в кадре — и никакой пестроты. Но они рождают у зрителя массу эмоций, располагают к размышлениям о красоте и хрупкости окружающей природы, экологии, смысле жиз-

ни... Вот она, форма — выразительная, говорящая. Такой фотографии у нас мало.

И все-таки лучшей в номинации «Природа красоты» была признана серия фотографий Сергея Коляскина «Глаза истории». Жюри очень высоко оценило эту работу в номинации «На острие жизни», но в итоге было решено, что по технике исполнения она больше тяготеет к художественной фотографии. Показывая связь поколений, современный взгляд на «черно-белое» прошлое, автор соединяет в одном кадре цветное изображение (зеркальное отражение) и документальное фото, использует такие приемы, как стилизация, художественная обработка снимков, которые по выразительности даже конкурируют с содержанием.

Да, итоговая экспозиция «Природа красоты», как и планировалось, показала сегодняшнее состояние художественной фотографии в Челябинске и регионе в целом. Но для российской и тем более международной фестивальной площадки этого недостаточно. Выразительные возможности жанра гораздо шире, чем представлено на выставке. И хотелось бы в будущем увидеть весь спектр направлений и разновидностей художественной фотографии.

Татьяна МАРЬИНА

Наталья Беленцова. Предчувствие бури

Виктор Новокрещенов. На реке сказок

Сергей Зырянов. Апрельский лед

1-я премия
в номинации «Природа красоты»:
серия фотографий «Глаза истории»

Автор **Сергей Коляскин (г. Златоуст)**

Сергей КОЛЯСКИН — профессиональный фотограф, лауреат российских и международных конкурсов, обладатель стипендии Министерства культуры РФ.

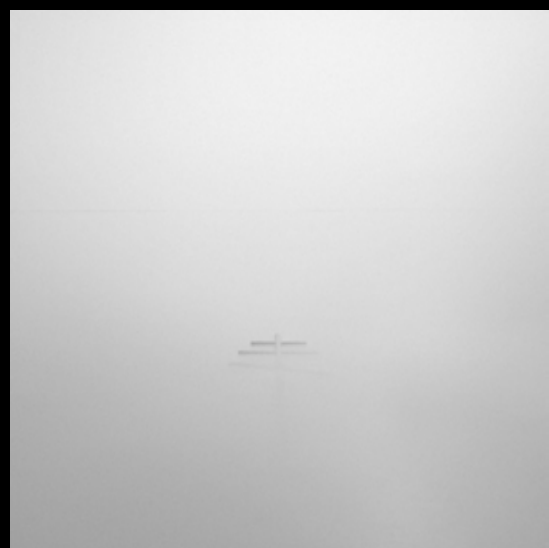

Фото Владимира Голынкина

— Эта работа посвящена моему прадеду Петру Николаевичу Афанасьеву. Он прошел Великую Отечественную войну, начинал рядовым, дослужился до полковника, командовал танковой дивизией... Однажды я решил посмотреть старые фотографии своих родственников. Все они были офицерами — мой отец, дед, прадед, прапрадед, мои дядьки. Разглядывая пожелтевшие карточки, я испытал массу эмоций — восторг, удивление, гордость. Они настоящие герои, и память о них мне очень дорога. Мне захотелось рассказать об этом, показать через фотографии связь времен, разных поколений. Первые кадры я сделал в 2010 году, когда служил в армии. Потом в голове сложились образы. Так родился фотопроjekt «Глаза истории». Я посвящаю его в первую очередь кадровым военным, чьи деды и прадеды воевали в Великую Отечественную.

2-я премия
в номинации «Природа красоты»:
серия фотографий «Утраченное»

Автор **Юрий Притиск (г. Чебоксары)**

**Юрий
ПРИТИСК** — профессиональный фотограф, лауреат российских и международных конкурсов.

Юрий Притиск

— Фотография сопровождает меня повсюду, начиная со школы. Я не расставался с фотоаппаратом в институте, армии, на работе, в повседневной жизни. И если в юности меня больше интересовала техническая сторона процесса съемки, то с возрастом на первый план вышла художественная фотография. Мне интересны психологический портрет и пейзаж с техникой доступного света (available light). Серия «Утраченное» снята в Ульяновской области. На экспедицию было всего три дня. Чтобы снять полноценную «историю», времени, конечно, не хватило. Поэтому я развил тему за счет собственных идей, добавил несколько более поздних кадров — и серия получилась.

Юрий Притиск

За последние шесть лет я ни одной фотографии не снял с применением вспышек или традиционных световых схем с искусственным освещением. При съемке обычно использую самодельные оптические фильтры, исследую альтернативные способы ручной печати. Серия «Утраченное» снята на Nikon D90 + Tokina 12-24 / F4 с аналоговыми фильтрами. Также я пользуюсь старыми объективами от Pentacon Six — Flektogon 50 mm / F4 и Biometar 80 mm / F2.8. Снимаю вручную, аккуратно, но быстро.

Юрий Притиск. Из серии «Диссонанс»

3-я премия
в номинации «Природа красоты»:
серия фотографий «Параллельные миры»

Автор **Виктор Окулов (г. Озерск, Челябинская область)**

Профессиональный физик-атомщик и фоторепортер, **Виктор ОКУЛОВ** 25 лет отработал на ПО «Маяк», следующие 15 лет был фотокорреспондентом газеты «Озерский вестник». Серия «Параллельные миры», снятая незадолго до Фотофеста,— результат многолетних художественных поисков фотографа в области макросъемки природных явлений.

Виктор Окулов. Фото Николая Невоструева

— То, что творит природа, настолько живописно и изобретательно, что даже самый гениальный художник не смог бы придумать ничего подобного, — говорит Виктор Юрьевич. — Макросъемкой я занимался с молодости: в конце 60-х годов купил удлинительные кольца на объектив. Мне, как физика, было интересно внедряться в макромир, его структуру, где человек видит не просто цветок и бегающих в нем муравьев, а потрясающую по красоте фактуру листьев, кипящую внутри цветка жизнь. Найти такую фактуру сложно, но я чувствовал интуитивно, что в природе это есть. И вот, спустя шесть лет я увидел то, что искал — «параллельный мир» в обычной плесени. Для меня это было открытием, настоящей сенсацией. А когда выяснилось, что мои фотографии не только попали на выставку «Природа красоты», но и удостоены премии, я был счастлив. Значит, «золотые глаза» жюри, в состав которого входили именитые фотографы, воспитанные на «чистом кадре», без фотошопа,— увидели это. Своей оценкой они подтвердили, что я прав.

Торжество АНТИГЛАМУРА

Выбор жюри для конкурса «Фотограф и модель — 2012» может показаться странным. Но только на первый взгляд. Посетители, пришедшие в этот день в краеведческий музей, были приятно удивлены. Горожане, идущие по набережной Миасса, оборачивались: на лестницах и парапетах музея, на Кировском мосту и в Саду камней — всюду были фотографы и красивые лица. Конкурс «Фотограф и модель» четко привязан к месту и ко времени. Снимать можно на открытых площадках краеведческого музея, в интерьерах музея или так, чтобы музей был в кадре.

Олеся ГОРЮК — журналист. Окончила филологический факультет Челябинского государственного университета. С 2002 года в газете «Челябинский рабочий», заведует отделом культуры.

В 2003 году победила в конкурсе «Социальный медиавывоз». В 2008 году с группой альпинистов дважды совершила восхождение на одну из вершин Памира, названную именем газеты «Челябинский рабочий». За серию очерков «Путь к вершине» удостоена премии «Серебряное перо».

Сделать конкурсный кадр фотографы могут в течение суток с момента регистрации.

— Как участник прошлогоднего и позапрошлого конкурсов могу сказать: с каждым годом становится сложнее искать сюжеты и точки съемки, — признается фотограф Юрий Катаев. — Надо включать фантазию, например, перейти на другую сторону Миасса

и там сфотографировать свою модель. Кроме того, условия конкурса вовсе не обязывали участников фотографировать сразу после регистрации при палящем солнце. Можно было дожидаться вечера и даже ночи.

В прошлом году конкурс «Фотограф и модель» пришелся на дождливую погоду. В этом — на яркий солнечный денек. Оттого многие кадры оказались пересвеченными и сразу же были забракованы жюри. А некоторым участникам удалось привлечь палящее солнце на свою сторону. Как красиво, например, легли полоски от шляпы на лицо «Туристки» (автор Ольга Галицина).

Штампом стала съемка на лестницах (около половины всех кадров). Но каждый год приносит свои открытия. Широкоугольный объектив Ирины Файзуллиной превратил застекленную (и как бы размеченную на квадраты) стену краеведческого музея в глобус. Некоторые участники конкурса обыгрывают сиюминутные детали — баннеры, растяжки, выставочные фотографии, которые, естественно, каждый год разные. Сергей Зырянов снял своих моделей на фоне баннера с Эйфелевой башней — получился юмористический кадр «И как нынче носят». Снимок на фоне выставочной фотографии — весьма эффектный ход. В прошлом году Юрий Катаев снял свою модель-штенку

на фоне фотографии рыжеволосого мальчишки, и этот кадр занял третье место. В этом году Сергей Коляскин снял азербайджанского фотографа Ильгара Джафарова на фоне снимка, ставшего символом выставки «Эхо войны». Тем самым Сергей обыграл в своем кадре название конкурса: фотограф, снятый на фоне фотографии, является одновременно и фотографом, и моделью. Снимок «Ильгар Джафаров и «Эхо войны»» заслуженно признан победителем конкурса.

В прошлом году Сергей Коляскин снимал свою модель ночью на узеньком бортике ограждения вдоль набережной Миасса, а в этом году решил ничего сверхъестественного не предпринимать:

— С Ильгаром познакомились в самом начале фотофеста на улице, — рассказывает он. — Я предложил ему пофоткаться с утра и решил кроме этого кадра больше ничего не выставлять.

Сергей Коляскин
Ильгар Джафаров и «Эхо войны». 1-е место

Максим Безуглый

Модель — Глеб Лунин. 2-е место

Максим Безуглый тоже сделал свой кадр спонтанно.

— Когда я направлялся к краеведческому музею после всех контрольных точек, вспомнил, что мой друг сейчас находится там на мастер-классе. Позвал его покурить. Вышли на улицу, и тут я сделал свой снимок.

Примечательно, что из двух кадров, представленных Максимом на суд жюри, выиграл тот, на который наложен фильтр «пленочное зерно». Снимок Максима выглядит, как старый пленочный, хотя на самом деле — цифровой. Юрий Катаев считает, что у молодого парня не ностальгия, а скорее, стремление попасть в тренд (сейчас модно цифровые кадры делать похожими на пленочные).

Третье место заняло изображение девушки

в наручниках под названием «Fight for your right» (автор Илья Добротворцев). То есть победила, во-первых, черно-белая, во-вторых, антигламурная фотография.

— Когда видишь огромное количество красивых портретов на фоне музея, глаз задерживается на том, чего совсем мало, — признается директор краеведческого музея и председатель жюри Фотофеста Владимир Богдановский. — Черно-белых фотографий было немного. Но это вовсе не значит, что именно такие кадры будут приветствоваться в дальнейшем. Это нами не регламентируется.

— Не было задачи выбрать черно-белые фото, — объясняет свой выбор член жюри Ксения Преображенская. — Просто эти кадры оказались практически единственными, в которых

Илья Добротворцев
Fight for Your Right. 3-е место

есть какая-то идея и понимание того, что человек снимает. В них есть определенный смысл и есть все остальное, что должно быть в хороших кадрах: эстетическая ценность, хорошая композиция, освещение.

И все же среди кадров, не вошедших в число победителей, были вполне достойные.

— Великолепна фотография Александра Третьякова. Там на переднем плане модель, стилизованная под 70-е, и у нее на шее фотоаппарат ФЭД, в руках чемоданчик. Музеем такие снимки нужны.

Автору этих строк понравился кадр Сергея Зырянова «Пауза». Когда его демонстрировали на церемонии награждения, по залу прошел шепот. Жалюзи и перила, отражаясь в сверкающем полу, образуют красивый графиче-

ский рисунок. Зацепили «Нежность» Екатерины Худяковой (две красивые девушки с развевающимися на ветру волосами) и «Городское настроение» Ольги Назаровой с красивой белой борзой на переднем плане.

Александр Третьяков,
Модель — Татьяна Третьякова

Ирина Файзулина
Модель — Павел Терентьев

конкурс

По итогам соревнования
лучшими признаны три команды:

«Таганай» (144 балла)
Чайники» (136 баллов)
«Зеленая марка» (128 баллов)

Кроме того, жюри выбрало лучших
кадры в каждой номинации.

19 мая 2012 года в рамках фестиваля состоялся фотокросс — конкурс «быстрых» фотографов, в котором приняли участие 44 команды. Поскольку 2012 год назван Годом истории, фотографам было предложено восемь тем-номинаций, связанных с юбилейными датами в истории России и Челябинской области. На выполнение задания отведено шесть часов. Главный критерий оценки — оригинальность идеи.

1-е место. Команда «Таганай»

Лучший кадр в теме
«Опять от меня сбежала
последняя электричка»

Лучший кадр в теме
«Голос большого города»

Лучший кадр в теме
«Фотограф и модель»

2-е место. Команда «Чайники»

Лучший кадр в теме
«Москва за нами!»

Лучший кадр в теме
«Это вам не выставка, это не музей»

Лучший кадр в теме «И тебя вылечат, и меня вылечат».

3-е место. Команда «Зелёная марка»

**Лучший кадр в теме
«Русские в Париже»**

**Лучший кадр в теме
«Созвездие белых медведей»**

«НАРОДНОЕ фото — 3»

Самая демократичная выставка Фотофеста проходила 19–20 мая на открытой площадке краеведческого музея. В ней приняли участие все желающие, независимо от профессии, возраста и фотографического стажа. Единственное, что требовалось, — прислать три снимка, из которых опытные фотографы выбрали самый удачный. В итоге на выставочных стендах собралось более 800 фотографий.

